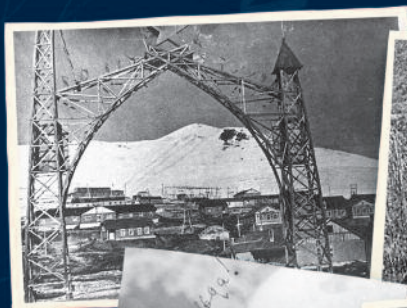

Евгений
Крашенинников

Моя Колыма

Евгений Крашенинников

Моя Колыма

Из воспоминаний

Магадан
2013

ББК Кр. 84 (2р-4м) 6
УДК 821.161.1 (571.65)

Крашенинников Евгений

Моя Колыма / Евгений Крашенинников. – Магадан : Охотник, 2013. – 72 с.

Эта книга является публикацией части воспоминаний известного магаданского педагога Е. Е. Крашенинникова о самых первых годах, прожитых на Колыме. Она – своеобразный портрет времени. Это история, увиденная глазами совсем молодого человека и записанная, спустя годы, умудренным жизненным опытом человеком.

ББК Кр. 84 (2р-4м) 6
УДК 821.161.1 (571.65)

ISBN 978-5-99043825-5

© Е. Е. Крашенинников, 2013
© Издательство «Охотник», 2013

Я хочу ехать, я еду...

Зимнее путешествие в вагоне поезда во многом уступает любой летней поездке. Задраенные толстым белым инеем окна веют на тебя колючим холодом. Зрительная связь с внешним миром исключена, а ведь «путь и далек, и долог».

Теряется одна из главных прелестей дорожных путешествий – «все гляжу, все гляжу я в окошко вагонное, наглядеться никак не могу». Остается только непрерывный перестук колес, но и к нему очень скоро так привыкаешь, что перестаешь замечать.

А это тоже одна из потерь.

Ведь песня вагонных колес своей разнообразной монотонностью (то быстро, то медленно, то громко, то тихо, то глухо, то очень четко) создает особый душевный настрой спокойного умиротворения, мечтательности, а иногда даже своеобразной неги – путанные мысли, легкий туман в голове, сонное полузабытье. Серьезное чтение исключено, легкое быстро надоедает и утомляет.

Долго лежать без движения с закрытыми глазами – болит спина. В голове как по замкнутому кругу бродят одни и те же потрепанные мысли, начиная надоедать.

Чтобы от них избавиться, нужно открыть глаза и сесть на своей верхней полке, свесив ноги вниз. А раз уж сел – перед тобой не один уже день одни и те же лица, одни и

те же разговоры. Бесконечные чаепития, дорожная сухомятка в виде колбасы, вареных яиц и хлеба...

– *Витенька, внучок! Хлеба кусай поболье, а колбасы по-мене!*

Или карточный «дурак»:

– *А я вашего короля по усам, по усам!*

Или доминошный «козел»:

– *Отдуплился с двух сторон – и гуляй, Вася!*

Или перекуры в холодном, задымленном тамбуре, и снова ничего не остается, как лечь на левый бок, – и круг замкнулся.

Снова сумбур мыслей, от которых на какое-то время избавляет крепкий дорожный сон. И так долго-долго, через всю страну до самого Хабаровска, ничего так и не увидев за пределами своего плацкартного купе.

А «неведомая, дикая, седая» Сибирь уходит от тебя «белою медведицею», не потревожив твоего взора. Скванная морозом белая тайга, уснувшие подо льдом гигантские реки, неоглядный ледяной каток Байкала, зябкое ночное небо, усеянное дрожащими звездами и посиневшей Лунной, вокзалы крупных городов – все это остается за чертой твоего взора.

Но вот и Хабаровск!

Выйдя из вагона, я, южанин, впервые в жизни ощутил на себе, что такое мороз свыше 30 градусов. Но впереди еще один большой отрезок пути – в целых 3 тысячи километров!

И все на север и на север...

Вдоль побережья Тихого океана...

Над совершенно безлюдной, глухой тайгой, утонувшей по плечи в глубоких снегах, к затерянному в просторах Колымы малюсенькому аэропортику под названием Берелех.

Что-то будет там?

Промерзший до самых костей, автобусом добрался до Хабаровского аэропорта, где свободно, без задержки, взял билет до Берелеха. В указанный срок занял кресло в салоне

двухмоторного пассажирского самолета «Ил-12» на 34 посадочных места.

До Берелеха летели 12 часов чистого времени. Во всех правых иллюминаторах, сколько может видеть глаз, – белое ледяное бескрайнее поле зимнего Океана. Слева, до видимого горизонта, такая же белая и такая же бескрайняя Тайга.

В полете самолет часто и глубоко проваливался в воздушные ямы, и тогда сердце перемещалось вверх к самому горлу, что было с непривычки неприятно и жутко.

Пассажирами были одни мужчины: усатые, бородатые, одетые в меховые полушубки и унты. В самом начале пути много курили и громко переговаривались. Пили разведенный спирт и пиво. Заедали жареной курицей и вареной говядиной, купленными перед вылетом в аэропортовском буфете. Через пару часов разговоры стали затихать, и, разморенные теплом, едой и спиртом, пассажиры, откинув головы на спинки своих кресел, погрузились в сон.

* * *

В Берелехе самолет приземлился утром, 10 февраля 1958 года.

Это был мой первый в жизни полет на самолете. Первые 3 тысячи воздушных километров. Заглохли моторы, бортмеханик открыл дверь, и в ее проем тут же глубоко запустил свои обжигающие холодом щупальца пятидесятитрехградусный мороз. Сердце мое екнуло.

Спустился по трапу в густой и колючий синеватый туман. Выдыхаемый изо рта воздух издавал шуршащий звук и тугими белыми клубами уходил вверх.

Ноги мои ступили на Колымскую землю.

В своей нелепой южной одежке и не менее нелепых здесь кирзовых сапогах я в одну минуту окоченел с ног до головы. Семеня ногами, торопливо пересек небольшую площадку и нырнул в первую же на моем пути дверь небольшого аэропортовского домика.

Аэропорт Берелех исполнял роль воздушных ворот к центру Колымской глубинки и находился в 8 километрах от небольшого поселка городского типа с названием Сусуман. От Сусумана прямо на восток уходила в тайгу знаменитая Колымская трасса, которая через 600 километров плавно переходила в центральную улицу города Магадана. На запад от Сусумана Колымская трасса шла в Якутию через знаменитую своими золотыми приисками и богатыейшими золотыми запасами Чай-Урынскую долину.

Мне нужно в первую очередь попасть в поселок Сусуман, к его автовокзалу. Затем на рейсовом автобусе проехать еще 45 километров на запад (якутское направление) до поселка Большевик.

Но как добраться туда в моей тщедушной одежке?

Ведь с первых моих шагов было совершенно ясно, что дальше аэропортовского домика, в котором я нахожусь сейчас, я не могу никуда двинуться.

Открыв вторую дверь, я попал из холодных сеней прямо в маленькую, теплую столовую. Все столики в ней были уже заняты транзитными пассажирами. Люди ели, пили, вели разговоры, курили. Я остановился у входных дверей, высматривая обстановку и выжидая момент, когда где-нибудь освободится местечко.

И тут от ближайшего столика ко мне обратились:

– Парень! Бери у буфета стул и подсаживайся к нам пятым.

– Куда ты в таком виде путь держишь? На Большевик!?

– Это к кому же!?!...Ни к кому?

– Сам, что ли, прилетел? Такого случая что-то не припоминается. Людей сюда везут. За государственный счет. Или по этапу, или по вербовке. А чтобы по собственной воле, да за свои деньги – это...

– На время в наши края или останешься поработать?

– Ну, если работать, – это хорошо! Люди здесь нужны.

– А почему ты так смешно одет? Не знал, что ли, куда едешь?...Ну, да ладно, с кем не бывает. Считай, что тебе с первых шагов на Колыме крупно повезло. Мы ведь, все чет-

веро, оттуда, куда тебе надо. С Большевика мы. И машина при нас. Вот скоро посадим двоих на магаданский «борт», а двое назад, на Большевик поедут. Так что давай с нами...

– А документы у тебя есть? Хорошо, что есть. Это сейчас самое главное. Теперь бы тебя в дорогу приодеть малость надо. Таким мы тебя не довезем, даже если посадим на переднее сидение прямо к мотору.

Мои неожиданные «опекуны» проявили тут же находчивость и сноровку: выпросили на кухне у поварахи два старых вафельных полотенца мне на портянки. Один из них снял с себя меховую душегрейку и велел мне ее надеть.

Когда сели в машину («козлик»), колени мои укутали телогрейкой, на которой до этого сидел водитель, и заулыбались друг другу:

– Теперь довезем. Да тут и недалеко. Час езды.

Машина тронулась.

Сомнений больше не было – свершилось спасительное для меня чудо! Неожиданное и необъяснимое, каким должно быть всякое Чудо. Тяжесть безысходности исчезла, вернулись спокойствие и уверенность, в душе тихо зазвучала музыка, я прикрыл глаза.

А ты твердишь, что на свете

Не бывает чудес.

Чудес на свете столько,

Что их все не счесть!

Впереди из морозного тумана набегали километры накатанной снежной дороги. От мотора шло приятное тепло.

То, что будет впереди, уже не страшило.

Два моих «опекуна» обещали на первых порах свою помощь.

Проехав по окраинам Сусумана, затем через поселок Нексикан, где находилась Центральная база геологов, и поселок имени Фрунзе, где располагалась Центральная база дражной золотодобычи, наш «козлик» въехал в поселок Большевик – конечный пункт моего путешествия.

Я на месте!

Где-то далеко-далеко осталась вся моя прошлая жизнь!
Дальше все пошло так, как я задумал.

Первая неделя ушла у меня на то, чтобы пройти медкомиссию и оформиться на предложенную мне работу промывальщиком приисковой разведки; записаться на вечерние курсы бульдозеристов; получить койку в рабочем общежитии; получить крупную сумму северного единовременного пособия; одеться и обуться по всем правилам колымской зимы.

Впервые в своей жизни я облачился в толстое, с начесом, китайское нижнее белье, отечественные ватные брюки, надел впервые шерстяной свитер с глухим воротом, большие валенки с двойной подшивкой на подошвах, толстые шерстяные носки и байковые портянки, длинный шарф, китайскую шапку-ушанку, а на руки меховые варежки.

* * *

С 20 февраля 1958 года для меня началась новая жизнь.

Решительно все было в ней непривычным, любопытным и даже загадочным. Но пройдет не так уж много времени, и все вокруг станет хорошо знакомым и узнаваемым, загадочность перестанет быть таковой, а непривычное – привычным, так как ничего другого в жизни и не бывает.

Мое новое обиталище – маленький поселочек, состоящий из занесенных снегом по самые крыши деревянных хибар и барачков.

На Север от него до самого Ледовитого океана только тайга да сопки. На Юг до Хабаровска и берегов Амура – такая же тайга и такие же сопки. На Запад до самой Якутии и дальше до Урала – тайга и могучие реки. На Востоке, через 650 километров, тайга и сопки выходят к берегам Тихого (Великого) океана.

А дальше, сколько ни смотри на восток, везде одна вода, вода и вода – на 10 тысяч километров одна вода.

Изумительная глушь!

Особенно после Пятигорска, после жарких Кавказских Минеральных Вод! Как вспомнишь, как представишь, где ты был еще совсем недавно, и куда тебя черти занесли, так сердце обязательно ответит на это приступом тоски.

Рядом с Большевиком течет река Чай-Урья. В весеннее половодье она заливает обширную пойму, перемещая с места на место большие массы песчаного грунта. Пойма эта является богатейшим месторождением россыпного золота.

От поселка, от реки, от колымской трассы, во все стороны на тысячи километров уходит безлюдная земля. Она вся сплошь уставлена сопками высотой от 100 до 300 метров.

Летом они в основном покрыты густыми кустами стланика и выглядят красиво и романтично. Зимой стланик ложится на землю, чтобы уцелеть от морозов, и сопки начинают представлять собой гладкое, белое, слепящее глаза однообразие.

Между сопки глубокие распадки, по дну которых протекают ручьи и маленькие речушки.

По трассе в оба конца движутся день и ночь мощные грузовики, каких я до сих пор не видел – все «МАЗы», «КрАЗы» да чешские «Шкоды».

Сам Большевик был небольшим поселком и являлся центральной базой крупного прииска под тем же названием. На территории поселка располагались: приисковая контора, механические мастерские, гараж, две котельные, амбулатория и детский садик, начальная школа, клуб, столовая, баня, два магазина и почта.

Клуб – это кино, концерты художественной самодеятельности и танцы под радиолу или баян.

Баня – это мужские и женские помывочные дни с хорошей парной и пивом в предбаннике.

Столовая – это тепло и уют, первые блюда из китайской тушенки, сухой картошки, сухих лука, моркови и свеклы, к чему еще надо было привыкать; вторые блюда из постной китайской свинины с макаронными и крупяными гарни-

рами; на третье – чай, восстановленное из сухого порошка молоко, булочки или пирожки.

Магазин – это склад различных консервов, халва, шоколад, сливочное масло, красная икра, разливной спирт, вино «Вермут».

Меня поселили в барачном общежитии, длинная комната в котором обогревалась круглые сутки печкой-буржуйкой. Рядом с ней – стол, за которым у настольной лампы, прикрытой самодельным картонным колпаком, коротает ночь пожилой дневальный. Его обя-занность – поддерживать круглые сутки в печи огонь, следить за чистотой и поднимать жильцов на работу.

Моя койка находится на приличном удалении от печи. Морозы стоят на постоянной отметке минус 48–50 градусов. Ложиться в кровать приходится в брюках, свитере и шапке.

Работа в зимних условиях оказалась для меня настолько физически тяжелой, что даже молодость, уже до этого закаленная физическими перегрузками, недолго могла бы ее выдержать.

Специфика этой работы вынуждала меня подниматься на 2 часа раньше других, в 6 часов утра. Мои ранние подъемы были вынужденной мерой, так как место моей работы находилось в двенадцати километрах от поселка, куда можно было попасть только пешком. Два раза в день (туда и обратно) я должен был пройти это расстояние.

В этом и заключалась главная трудность: 24 километра ходьбы ежедневно по узенькой снежной тропинке, петляющей в полной темноте колымской ночи по узкому распадку между нагромождением невысоких сопок. Лишь лунный свет позволял находить все повороты и изгибы узенькой тропы, да сама утоптанная тропинка своей белой поверхностью подавала видимые ориентиры.

24 километра пешей ходьбы ежедневно – это очень трудно, но это еще не все. К этому нужно добавить и работу промывальщика-пробуторщика, которая проходила весь

световой день под открытым небом, в любую погоду, в совершенно безлюдном месте.

Быстренько одевшись в полутьме барака во все меховые и ватные одежды, я выхожу в кромешную тьму обжигающей холодом ночи и иду в сторону четырех освещенных окон приисковой столовой.

Завтрак на выбор: котлеты, гуляш, бефстроганов или бифштекс с макаронным или крупяным гарниром, чай с булочкой или пирожком и плитка шоколада в карман на дорогу. После завтрака перекур в тамбуре столовой в ожидании своего напарника по работе – пожилого и опытного.

Вдвоем выходим в темноту.

У главного поселкового столба, на котором с 6 утра и до 12 часов ночи вещал репродуктор, мы останавливаемся на минуту в ожидании того, чтобы зрение адаптировалось к темноте. Постояв, начинаем движение (напарник впереди, я за ним) к месту своей работы, которое называется официально на геологических картах «Долина Крестов».

Наша задача, задача двух промывальщиков – опытного и новичка – заключалась в том, чтобы промыть весь шурфовочный грунт для получения окончательных результатов на предмет наличия в этом грунте россыпного золота.

24 километра ежедневной пешей ходьбы выматывали не только физически, но и морально. Ведь путь мы преодолевали молча, идя в затылок друг другу, – для разговоров не было никаких условий.

Вокруг тьма, глаза все время напряженно смотрят вниз, направляя движение. Молчание удлиняло ощущение времени и приводило к внутренней досаде от бессилия что-либо изменить.

Во время одного из перекуров мой напарник как-то заговорил на эту тему.

– Пешая ходьба – это здорово! Для ног, для всего тела, для общего здоровья, да и так, для головы, тоже здорово! Я на своем веку исходил, дай бог каждому, и почти все время в молчании. Ну и что? Да, вначале было скучновато,

а потом я как-то, незаметно для себя, приобрел привычку. Если дорога длинная, я сам себе даю задание думать все время о чем-нибудь одном. Только обязательно об одном! Обычно мысли разбегаются, но я научился направлять их по одной дорожке. Иду и думаю только об одном, вспоминаю все до мельчайших подробностей. Ну, вот, например, иду и вспоминаю о том, какая в нашем деревенском доме была русская печь. Вспоминаю не спеша, все до последнего кирпичика, все выбоинки, все печные закоулочки. Вижу мать у печи – с ухватом возится. Треск в печи слышу, ее тепло чувствую, вижу сковороду жареной картошки, казанок со щами. Мысли вокруг всего этого долго бродят, собирая другие мелкие подробности. Глядь, а пять километров как не бывало! И все это время прошло для меня совсем незаметно. Нет, молча ходить это здорово!

Не знаю, что бы я делал без этого разговора!

Ведь ходить пешком по этой тропе мне пришлось целых 3 месяца, а это не менее 1500 километров пешего пути в полном молчании.

Уже на следующий день я вышел в дорогу с заданием самому себе думать всю дорогу о чем-нибудь одном.

На деле оказалось, что я неплохо подготовлен для такого вида работы. Мое потревоженное воображение безостановочно подавало и подавало мне живые видения одной из заказанных тем из прошлой жизни. Я глубоко погрузился в воспоминания и открыл неожиданно для себя такие мелкие штрихи и детали увиденного, которым никогда раньше не придавал значения.

По старой своей привычке, я начал одухотворять отдельные моменты своих воспоминаний музыкальными вставками. Довольно быстро я вошел в мир этой новой для себя игры. На моем лице стала временами появляться улыбка, а мои ноги и мои глаза работали самостоятельно от меня, преодолевая один километр за другим. Ощущение времени пропало совсем. Вместе с ним пропало и чувство физической усталости.

Совершенно неожиданно для себя я услышал:
– Ну, вот, мы и на месте! Как самочувствие?
Какой прелестью для меня оказалась эта «молчаливая»
пешая ходьба!

Мы в самом центре долины Кресты.

Довольно широкая котловина, зажатая с двух сторон сопками. На дне ее густой кустарник, занесенный снегом по самую грудь. Как раз посередине ее наш бивуак. Вокруг еле заметные под снегом бугорки шурфовочного грунта. Эти бугорки и есть объект нашей работы.

Работаем слаженно и быстро, ведь световой день невелик.

Утопая в снегу, с топорами в руках, добываем по сторонам нашей площадки сушняк для костра. Его надо много, и от нас скоро начинает валить пар. Разводим костер под пустой металлической полубочкой, поставленной на такие же металлические козлы. На брезентовых накидках носим и сваливаем в эту полубочку снег.

Когда в ней тает вода до половины ее объема, мы начинаем промывку смерзшихся песков из шурфовочных бугорков, которые предварительно надо накайлить и размельчить. Я на черновой работе: кайлю грунт, насыпаю его в промывочный лоток, отношу и передаю напарнику. Он, надев на грудь клеенчатый фартук, ловко орудует правой рукой со скребком, промывая этот грунт в подогретой воде.

То, что остается на дне лотка в виде пирита с примесью золотой пыли, смывается в жаровню, которая по мере наполнения прокаливается тут же над костром, а сухой остаток с нее сыпается в специальные конвертики с указанием, с какого подземного метра выработки взята эта проба.

А вокруг нас мороз под 50 градусов и клубы дыма и пара!

Работаем без перерыва, перекуриваем на ходу, стараюсь промыть побольше грунта. Ведь чем раньше промоем весь грунт, тем раньше перестанем сюда ходить.

Уже в густых сумерках, загасив водой костер и хрустя на ходу морожеными кусочками шоколада, начинаем движение в сторону своего поселка. За плечами уже 10 часов в движении, в непрерывной работе на морозе, под открытым небом. Впереди последние двенадцать километров пути, а затем еще 3 часа учебы на курсах бульдозеристов.

Но обратная дорога в поселок кажется вдвое легче и втрое быстрее. Предстоящие курсы представляются отдыхом, а между ними предвкушение маленького праздника – это ужин в теплой столовой.

Воскресенье – день выходной, и я остаюсь в бараке. Присматриваюсь к жизни его обитателей, вхожу в осторожные контакты. Все двадцать человек, с которыми я живу в «общаге», – заключенные, переведенные на особых условиях «за зону».

Они принесли с собой сюда лагерный микроклимат. Разговорный способ общения – «феня», пересыпанная матом. Форма общения – лагерный «устав». Досуг: спирт, карты, домино, редко гитара. Все это под звон граненых стаканов, сальные анекдоты и байки на местную, поселковую тематику.

Среди всех этих людей было одно приятное исключение. Это Николай Гук, лет сорока, немец по национальности.

Речь чистая, без «фени» и без матов. В групповых попойках участие не принимает. В карты «под интерес» не играет. Даже не курит. Но, невзирая на все это, он у всех окружающих пользуется особым расположением за свой спокойный, рассудительный и твердый характер, смелую готовность отстаивать свои жизненные принципы и за свой талант мастера на все руки.

С ним-то я и сдружился.

Я слушал его рассказы о прожитой жизни на Колыме, о работе на золотых полигонах, о семье, оставшейся где-то в Поволжье, о годах, проведенных за колючей проволокой, о северной природе в разные времена года.

Мне нравилась манера его говорения, его хитровато улыбающиеся глаза, крепкая рука, которую он имел привычку класть мне на плечо, когда хотел быть убедительней. С ним я не ощущал двойной разницы в нашем возрасте и ждал каждый раз возможности новых разговоров.

Шел уже третий месяц моей новой жизни. Я втянулся в работу и спокойней стал переносить ее тяготы. Заметно прибавился световой день. Увеличилось количество солнечных дней, но морозы стояли все такие же жесткие, неумолимые.

Снег днем блестел, искрился, и глазам было больно от этой сверкающей белизны. В иные дни с вершин сопок слетал легкий запах чуть прогретого солнцем воздуха, и тогда на душу камнем ложилась тоска.

Оставалась неделя до начала мая, моего любимого месяца.

Где-то там, далеко-далеко отсюда, весны уже намного больше, чем зимы. Здесь же морозы по ночам выжимают до 40 градусов.

Только в середине дня, при ярком свете солнца, можно расстегнуть телогрейку, сдвинуть на затылок шапку, снять с рук меховые рукавицы и, оперевшись спиной о ствол лиственницы, постоять немного, прикрыв глаза и улыбаясь своим дальним воспоминаниям.

Где-то там, куда уносит тебя сейчас твоя ностальгия, по небу плывут кучевые облака, все дороги и тротуары давно чисты от снега, со стороны Эльбруса тянет живительный, теплый ветер, всегда пахнущий детской радостью. Где-то там люди ничего не знают и знать не хотят о том, что есть на земле места, где 280 дней в году все котельные работают на обогрев помещений, а лето и осень ставятся всегда рядом с прилагательными «короткое» и «короткая».

Где-то там, где меня сейчас нет, весь день открыты настезь окна в весенний сад, и в них врывается птичье пение, а здесь перед твоим взором только белые бугры сопки да плотный, хрустящий снег под ногами...

Я все еще продолжал ходить со своим напарником в долину Кресты.

Мне привелось первый раз увидеть воочию, как зарождается северная Белая Ночь, и насмотреться разнообразных примет медленной и неустойчивой северной весны.

Я видел, как оседал и твердел глубокий снег, как стали выходить из своих снежных «землянок» белые куропатки; как радовались теплу и яркому солнечному свету крикливые черные кедровки, как обнажались от снега острые макушки галечных отвалов. Я слышал треск ледяного панциря на реке и то, как ветер-южак поскрипывает открытой настежь наружной форточкой.

Но душа откликается у всех на любую весну одинаково: тонкое томление и постоянная беспричинная радость.

Время летело быстро, и я не заметил, как подошел конец моей учебы на курсах бульдозеристов, а вместе с этим и моя работа промывальщика.

* * *

Вот и пришел тот день, когда я последний раз вышагиваю свои 24 километра. К этому времени я стал уже матерым пешеходом, а 1500 уже пройденных дней за днем километров отложились во мне вечной потребностью в пешем движении.

Я получил удостоверение машиниста бульдозера и вместе с ним перевод на новое место работы в распоряжение «коменданта прииска», как тогда называли заместителя директора по хозяйственной части.

Мой первый бульдозер на базе трактора С-80 был из ветеранов.

Он был списан с золотого полигона и отдан в распоряжение коменданта для производства необходимых хозяйственных работ. С дребезжащей кабиной, без единого стекла; продавленным и засаленным сидением; коптящим дизельным мотором, изношенным пускатом, провисшими

гусеницами на выработанных катках – он производил жалкое впечатление.

Бригадир слесарей в механическом цехе по-дружески намекнул, что, передавая изношенную технику молодым механизаторам, начальство смотрит, на что каждый из них способен.

Я рьяно принялся за новое для себя дело. Мне нравилось чувствовать себя хозяином мощной, 12-тонной машины.

Под руководством бригадира и при помощи мастеров мехцеха я первым делом занялся ремонтом своего бульдозера. Мы остеклили кабину; заменили несколько катков; устранили провис гусениц и добавили им пять недостающих «башмаков»; в цилиндрах заменили клапаны, и мотор престал дымить; перебрали пускач, и он стал заводиться с первого оборота.

За два летних месяца я научился владеть бульдозерным ножом, маневрировать в узких проходах, на крутых подъемах и крутых спусках. Подавать машину задним ходом, мягко и с ювелирной точностью, для сцепки ее с волокушей; работать мотором «в натяг», чтобы звук его при работе почти поглощался режимом нагрузки и был глухим и четким.

Ведь по этому звуку старые бульдозеристы определяли степень подготовки новичка.

За это время я изъездил и хорошо узнал с разных сторон весь наш поселок со всеми его закоулками и ближними рабочими полигонами. Мне пришлось выполнять разнообразные хозяйственные работы: сгребать в большие бурты между домами последний снег с разным мусором; расчищать дороги и подъездные пути за поселком; работать на замене старых столбов линии электропередачи; подгребать уголь у двух котельных; подвозить лес на пилораму; возить на волокуше громоздкие части промывочных приборов к месту их сборки на золотые полигоны; доставлять множество труб большого диаметра и тяжелые электромоторы к водозабору и много разной другой работы.

В середине лета меня послали на выполнение спецзадания по линии УСВИТЛа (Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей).

В политической жизни страны в те годы шел период так называемой оттепели, и органы государственной безопасности занимались ликвидацией различных видов своей прошлой деятельности периода 30–50-х годов.

Так, ликвидировались многие лагпункты, а места их нахождения сравнивали с землей, на которой через два-три года не оставалось никаких следов присутствия здесь когда-то «лагерной зоны» – все зарастало травой и кустарником.

Мне выдали сухой паек на три дня, подцепили к бульдозеру волокушу с двумя бочками дополнительного горючего, указали обесточенную линию электропередачи, которая была проложена в глубь таежного распадка на двадцать километров и упиралась в один из таких ликвидированных лагпунктов.

Задание мое в кратком виде выглядело так:

«Весь лагерный комплекс развалить, разобрать и раскатать по бревнышку, после чего вернуться в поселок».

16 июля 1958 года, в день своего двадцатилетия, я отправился в эту необычную командировку.

Ориентируясь по столбам и еле видимым следам старой, заброшенной дороги, я вел машину все дальше в глубь угрюмого каньона. Вокруг спокойный и яркий зеленый цвет густого кустарника и невысоких, тоненьких деревьев. Сквозь их ветви временами можно увидеть бегущий навстречу ручей, шириной не более 3 метров.

Через два часа непрерывной езды я остановил машину, вылез на гусеницу, чтобы осмотреться. Обзор был небольшой: мешали заросли. Влез на крышу кабины и вытянулся – теперь все хорошо и далеко видно. Куда ни смотри, везде одна и та же зеленая равнина, что впереди, что сзади, а по сторонам – крутые, густо заросшие береговые откосы каньона.

Мне вдруг стало не по себе оттого, что на всем этом безмолвном пространстве я нахожусь совершенно один, что нужно, несмотря ни на что, все дальше и дальше забираться в эту неизвестность с ее молчаливо-загадочными зелеными дебрями.

А впереди меня ждала ночь! И мне стало страшно.

Солнце уже коснулось берегового откоса, лучи его перестали освещать дно каньона и сошлись в небесной вышине, подкрашивая розовым цветом тонкие перистые облачка.

От скрытого зарослями ручья тянуло сырой прохладой. Нужно было поспешать!

Лагерный комплекс открылся мне неожиданно за первым же поворотом дороги.

Высокие столбы, густо переплетенные колючей проволокой, сторожевые будки с ведущими к ним крутыми лестницами, и за всем этим – бараки в два ряда.

Приглушил мотор, остановился и вышел на гусеницу.

Осмотрелся. Прислушался. Прыгать вниз на землю не хотелось.

Солнца уже на горизонте не было, но было еще светло.

Со всех сторон меня окружала настороженная тишина: ни птичьего голоса, ни бурундучьего посвиста, ни шелеста листьев, ни тихого журчания ручья.

Я залез снова в кабину, наглухо в ней закрылся и потянулся к продовольственной сумке.

Как-никак, а у меня сегодня день рождения! Даже юбилей! Двадцать лет!

Со мной, кроме сухого пайка, бутылка спирта.

Можно налить в стакан и выпить за всю свою прожитую жизнь, но нечем развести спирт. За стеклами кабины можно еще что-то разглядеть. Рядом, шагах в 50 – ручей. Взял емкость, открыл дверцу кабины, спрыгнул на землю, сходил к ручью.

Можно пировать! Хватил сразу граненый стакан разведенного спирта, так как другой нормы я в те годы не признавал.

С большой охотой и аппетитом поел, спокойно перекурил и улегся на свое сиденье.

Пришла темнота – глаз коли!

Спал до тех пор, пока бьющее в глаза солнце не разбудило меня.

Мотор тихо и мягко постукивал на малых оборотах.

Сходил к ручью, умылся, напился и сел на бережок с папиросой, глядя, как чистая, спокойная вода почти беззвучно убегает в ту сторону, откуда я приехал сюда.

Через полчаса вся прелесть раннего таежного утра была опрокинута ревом тракторного мотора – я принялся за порученное мне дело.

Вначале ринулся на бревенчатый домик лагерного КПП (контрольно-пропускного пункта). Бульдозерный отвал уперся в стену, мотор начал глохнуть, но, кроме расколовшихся оконных стекол, все оставалось, как и было. Домик стоял как вкопанный.

Я отъехал назад, переключился с первой скорости на вторую и с небольшого разгона ударил ножом в середину стены. Результатов никаких!

Я отъехал назад еще дальше и переключился со второй скорости на третью. Бульдозер быстро побежал вперед и, нанеся удар по тому же месту, тут же заглох. Домик стоял как ни в чем не бывало.

Видя такое дело, я стушевался. Мне стало не по себе от одной только мысли, что я не смогу выполнить задание.

Кроме этого КПП, за колючей проволокой стоял целый лагерный комплекс из шести бараков, столовой, подсобных помещений.

Ну? И как тут быть?

Я твердо знал лишь одно, что вернуться назад с невыполненным заданием мне нельзя.

Когда я временами попадал в тупик, то по укоренившейся уже привычке, после всех неудавшихся попыток

найти из него хоть какой-то выход, я садился, закуривал и начинал обдумывать сложившееся ситуацию спокойно.

Этот прием (посидеть, покурить и подумать) был самым логичным и почти всегда давал хорошие результаты.

В этот раз я ничего не высидел и не придумал. Выкурил две папиросы, встал и понял, что я бессилён что-либо здесь изменить.

Обошел с поникшей головой вокруг машины, а потом через проходную зашел внутрь лагеря и заглянул в ближайший барак: низкий потолок, полумрак, неприятный запах. По обеим сторонам двухэтажные нары, на них тряпье, на полу валяются алюминиевые ложки.

Был день, светило солнце, а мне вдруг опять стало страшно.

Но я не вышел наружу, а направился, медленно ступая по узкому проходу, в глубь барака. Стены были исписаны, но не карандашом и не чернилами, а, по-видимому, концами алюминиевых ложек.

Я попробовал читать эти надписи, но скоро убедился в том, что это была обыкновенная блатная пошлая лексика, которую можно найти на стенах любого сортира.

Страх как пришел, так быстро и развеялся. Ведь я здесь один. Один есть и один буду.

Смелое спокойствие повело меня по другим баракам и даже затащило на один из чердаков по приставленной лестнице.

Возвращаясь к машине и еще не зная, что предпринять, я зашел на КПП, который безуспешно пытался развалить.

Прихожая, за ней две комнаты. Первая по виду «дежурка» – письменный стол, оружейный уголок, на стене висит чистая доска для циркулярных материалов. Вторая – жилое помещение со сломанной кроватью и опрокинутой тумбочкой.

И вдруг мой взгляд наткнулся на угол стены, который был перекошен от моего удара бульдозерным ножом. Несколько бревен вверху немного разошлись, и в просвет проглядывал кусочек неба.

Не зная еще, что буду делать, я вышел из домика, забрался в машину и медленно, на первой скорости и малом газу, подъехал прямо к этому раненому углу дома. Остановился перед ним. Подумал. Потом подвел кончик ножа к еле видимому пролому и уперся им в него.

Мягко работая муфтой сцепления (то включая ее на секунду, то выключая), стал раскачивать весь угол дома, внимательно следя за тем, как пролом увеличивается, две стены все больше и больше расходятся, а крыша начинает сползать назад.

Внутри меня шевельнулась робкая надежда.

Отъехал немного назад. Подправил угол захвата бульдозерного ножа и, газанув мотором, с силой ударил в раненое место дома. Он завалился набок.

Все! Готово! Осталось его добить и раскатать по бревнышкам.

Начало положено! Ломать – не строить!

Чуть подрагивающей рукой достал папиросу. Так! Выход вроде найден! Нужно действовать не прямо в лоб, а сначала раскачивать бревна в их стыках, в углах.

Мысленно я аплодировал судьбе! Удачливый я человек!

Час шел за часом, а я без остановок и перерывов, вдохновленный азартом, подбирался к барачным углам и крушил одну стену за другой, заваливал барак за бараком.

Перед самым заходом солнца поел, вымылся по пояс в ручье и с папиросой улегся в кабине на отдых, чувствуя удовлетворение от проделанного.

Весь следующий день раскатывал стены по бревнышкам, подгребал их в одно место и к концу второго дня работы сам себе сказал: «Шабаш!»

Все! Выключил мотор, откинулся назад на спинку сидения и закрыл глаза. Долго сидел так, вслушиваясь в ту тишину, которая наступает сразу после того, как выключена «музыка» мощного дизеля. Ухо улавливало в таежном безмолвии один только комариный звон.

Дело сделано – и сразу захотелось к людям, но солнце уже коснулось земли – ночевка неизбежна.

Ночью по крыше густо и громко застучали крупные капли дождя. Я проснулся, но лежал, не поднимаясь. Дождь перерос в ливень.

Вода потоком лилась с небес, стекая по стеклам кабины, за которыми была крошечная тьма. Не было полыхающих молний: на Севере это «украшение» ливневых дождей полностью отсутствует. Только монотонный, сильный звук падающей воды, к которому я скоро привык, и незаметно для себя снова уснул.

Спал долго. Когда открыл глаза, солнце было уже высоко, день разгорался жаркий.

Я заторопился, засобирався, завел пускатом свой дизель, подцепил волокушу и двинулся в обратный путь.

Ручей разбух от воды и вышел из берегов.

Дорога после ночного потопа встречала большими и опасными лужами. Пытаясь объехать одну из них сбоку, я съехал с дороги и тут же почувствовал, как машина мягко опустилась в болотную жижу, села «животом» (картером) на грунт, беспомощно вращая гусеницами и вхолостую работая мотором.

Я вырубил муфту сцепления и громко, в сердцах, выругался.

Ведь меня же предупреждали на этот счет! Никогда не съезжать с дороги, как бы заманчиво это ни было. Если «сядешь» на самой дороге, то есть надежда выбраться самому. А вот теперь меня могут вырвать из болота не менее двух таких машин, как моя. Где их найдешь? До поселка 15 километров...

Из этой командировки я вернулся домой только к вечеру следующего дня, до неузнаваемости грязный, уставший, голодный, но веселый.

* * *

Через две недели мне было объявлено о переводе на другую работу – сменным бульдозеристом на машину Михаила Рушкина, которая работала на золотом полигоне на подаче золотых песков к бункеру промывочного прибора.

Работа эта была сменная. Смена длилась 12 часов, после которых следовало 36 часов свободного времени на сон и отдых.

Работа в бригаде знатного механизатора прииска Михаила Рушкина меня вполне устраивала. Уже на следующий день я был на полигоне.

Это был один из нескольких приисковых полигонов. И размером и формой такой полигон напоминает футбольное поле. В одном конце его монтируется массивное сооружение – промывочный прибор.

Своего бригадира, Михаила Рушкина, я застал на полигоне, несмотря на то что была не его смена.

До этого я был уже слышан об этом человеке, поэтому сразу стал приглядываться к нему.

Это был небольшого роста, щуплого вида мужчина с лицом, слегка сплюснутым с боков и вытянутым вперед. Маленькие, круглые глаза глядели на собеседника с мягкой, дружеской полуулыбкой.

Говорил он высоким, почти женским фальцетом, речь свою постоянно пересыпал смешками, чаще всего не к месту. В свой разговор постоянно вставлял фразу: «*А вы как думали?*» или «*А ты как думал?*» – в зависимости от того, с кем он говорил.

Деревенский пастушок Миша Рушкин в период коллективизации впервые увидел на селе трактор «Фордзон» американского производства и был покорен его удивительными для тех лет способностями. Его неудержимо потянуло к технике. В этом своем увлечении он проявил неизвестно откуда взявшуюся страсть и преданность своей мечте стать механизатором.

Со временем из упорного Михаила вышел первоклассный механизатор, который относился к трактору как к некоему одушевленному существу.

– *Машина любит ласку, чистоту и смазку! А вы как думали!?*

В его жизни на первом плане был не он сам, не его жена и дочь, а его машина.

Он должен был постоянно видеть ее, знать все о ее внутреннем и внешнем состоянии и при необходимости поспешить ей на помощь.

(«А вы как думали?»)

Когда его машина ставилась на предупредительный ремонт, он не бывал дома до его окончания, дня и ночи в ремонтном боксе.

(«А вы как думали?»)

Он тщательно подбирал себе напарников и был к ним требовательным до занудства:

– *Хороший бульдозерист должен работать газом «в натяг», без громких прогазовок и трескотни; муфту сцепления и реверс включать и выключать мягко; фрикционами и тормозными педалями работать без рывков. А вы как думали?*

Если Рушкин вел машину, то перед камнем, куском троса или железкой он останавливался, спрыгивал с гусеницы, убирал посторонний предмет со своего пути и только тогда ехал дальше.

Об этой его «причуде» знали все, поэтому иногда специально подкладывали на его пути камень и, смеясь, смотрели из укрытия, что из этого получится.

Но получалось всегда одно и то же: Рушкин останавливал машину, убирал с дороги камень и кричал гогочущей братве:

– *А вы как думали?*

Меня он встретил по-доброму, улыбаясь.

Отвел за границу полигона, усадил рядом с собой под пышный, зеленый куст стланика, угостил папиросой и долго напутствовал: объяснял свои бригадирские требования, посвящал в характер и особенности своего бульдозера.

– Давай пока на отдых, а завтра выходи с утра. Вечером я сменю тебя я. А там поглядим, что ты за гусь. А ты как думал?

С этого и началась моя работа на золотом полигоне.

Изо дня в день накапливался опыт.

Первый мой промывочный сезон прошел без срывов, если не считать один казусный случай. Произошло это во время дневной смены.

На наш полигон прибыла «высокая» комиссия, которая ходила вместе с горным мастером и осматривала весь участок нашей работы.

Я подавал очередную порцию песка к бункеру.

За 10 метров от него машина легко пошла на подъем, и я взялся рукой за рукоятку муфты сцепления, чтобы после сброса грунта в бункер остановить машину и, переключив реверс на задний ход, отъехать за новой порцией песков.

Как всегда, сделал легкое проверочное движение муфтой вперед, но рука уловила неожиданное сопротивление рычага. Тогда нажал сильнее – муфта не выключалась.

А грунт мой уже застучал камнями по железным бокам бункера.

Мгновенно сбросил до предела газ и погасил этим скорость до минимума. С размаха ударил по рукоятке муфты, не понимая, почему она не выключается.

Бульдозер, сбросив груз, еле-еле стуча мотором, коснулся первыми траками гусениц металлического края бункера.

Я подскочил с сидения и с силой ударил по муфте левой ногой.

Никакого результата.

Передняя часть машины с поднятым отвалом медленно полезла вверх, металл гусениц заскрежетал по металлу бункера.

Еще один метр вперед – и бульдозер вместе со мной, всей своей 12-тонной массой, рухнет в зев бункерной ямы.

Я упал спиной на сиденье и в последний раз двинул по муфте своим кирзовым сапогом.

Муфта послушно отскочила вперед!

Бульдозер остановился как раз на границе центра тяжести, слегка покачиваясь назад и вперед.

Под ним чернело жерло бункера, а испуганный мониторщик, с перекошенным лицом, кричал и махал мне руками, чтобы я быстрее отъезжал назад.

Но теперь я делал все не спеша.

Сначала взобрался с ногами на сидение, думая, что укрепляю своим весом нулевое положение центра тяжести. Потом осторожно дотянулся рукой до реверса, мягко перевел его на задний ход и так же мягко включил муфту сцепления.

Машина пошла назад.

Я, отъехав подальше, остановился, дрожа всем нутром, и стал осматриваться вокруг себя в кабине, ища причину того, что муфта была какое-то время заклинена.

Аварийный момент был замечен всеми, и ко мне по полигону шел горный мастер.

Что я ему скажу? Муфта сейчас включалась и выключалась, как положено. В чем же все-таки дело?

И тут мой взгляд остановился на «тавотнице», обыкновенной большой металлической масленке, которая валялась на полу кабины у моей левой ноги. На боковой стене кабины у нее было постоянное место хранения, так называемый карабин, но мой напарник, закончив смазку катков и передав мне смену, не вернул ее на свое место, а оставил на полу кабины.

Я тоже не придавал этому значения – подумаешь, масленка валяется!

А она при движении и тряске смещалась на полу в разные стороны. В какой-то момент она ухватила своей Г-образной ручкой рычаг муфты сцепления, а головка ее в это же время своей «юбочкой» (выступом) крепко зацепилась за выступ на металлическом полу кабины, так как он был сложен из двух пластин, и сложен не очень ровно. Муфта намертво заклинило, и только от моего повторного, сильного удара по муфте сапогом головка колпачка масленки

выскочила из неровности в полу и освободила рычаг муфты.

Подошел мастер, я рассказал ему, в чем дело.

Набрав своим отвалом новую порцию песков, я повез его в сторону промприбора, а в голове рисовалась картина того, что бы могло быть, если бы я вместе с бульдозером упал в бункерную яму.

Со мной ладно, тут все ясно до конца.

А вот то, что весь промприбор был бы выведен на какое-то время из строя, это уже нешуточная история. Это ведь угроза выполнения приискового годового плана по золоту, это шум на всю область.

Вечером, принимая у меня смену, Рушкин, улыбаясь, сказал:

– Шухер уже до поселка дошел! Радуйся, что в рубашке родился. Теперь ты убедился, что такое в работе всякая мелочь? А ты как думал? А вообще-то знай, что при любой неувязке нужно сразу глушить мотор. Ты-то газ только сбросил, а нужно было совсем перекрыть. И все дела! А ты как думал?

Я кивал головой и про себя удивлялся тому, что такое простое решение не пришло мне в голову самому.

Мои производственные отношения с Рушкиным вскоре плавно переросли в дружеские.

Мы стали проводить вместе свободное время, ходили в кино и на концерты художественной самодеятельности, а зачастую оставались у него дома.

Устраивались у него на кухне за накрытым столом с двумя бутылками разведенного спирта и 3-литровой банкой разливного пива. Выпивали, закусывали, бесконечно курили и говорили обо всем на свете и пели свои любимые песни.

Ни его, ни меня на танцы не тянуло, а вот на разговор под стопку крепкого спиртного мы были настроены всегда и получали от этого полное удовлетворение.

В голове, в душе и в сердце появляется, растет и крепнет такое состояние, когда тебе все на свете ясно (блеск ума!);

когда ты начинаешь ораторствовать, помогая себе лицом и руками (красота и убедительность речи!);

когда ты начинаешь употреблять неприемлемые в любом обычном разговоре слова высокого накала (сила чувственных переживаний!);

когда тебя слушают и согласно кивают головой (знак единодушия!);

когда ты чувствуешь себя носителем правды, чести, смелости и доброй воли (глубина натуры и красота характера!);

когда многое ты начинаешь возвышать и приукрашивать до такой степени убедительности, что сам веришь этому.

Тогда ты не замечаешь течения времени, ты упоен собой, ты окрылен и возвышен.

Тебе страсть как хочется продлить эти ощущения, и ты незаметно переходишь тот рубеж, за которым все вдруг резко меняется, все возвышенное исчезает, и взору предстает совсем другой человек, который, подергивая плечами, щелкая пальцами, вращая безумными глазами, хрипло пытается петь старую «ковбойскую» песню:

*Хорошо в степи скакать,
Свежим воздухом дышать.
Лучше прерий места в мире
Не найти.
Но зачем такая страсть?
Ну, зачем красотку красть,
Если можно просто так
Уговорить?*

* * *

С наступлением холодов промсезон был завершен, и наша машина была переведена на вскрышу торфов.

Смысл этой работы заключался в том, чтобы до наступления сильных морозов снять бульдозерными ножами верхний слой земли («торфа́», или «рубашка») на новом полигоне, который готовился к отработке на будущее лето.

Бульдозерная вскрыша полигона экономически более выгодна, чем зимняя буровзрывная. Поэтому сразу несколько наших бульдозеров с надетыми на моторы ватными капотами-утеплителями работали на вскрыше полигона до последних возможностей.

Полигон нам попался большой. Работали на нем одновременно три бульдозера и один экскаватор.

Я осваивал для себя новый вид бульдозерной работы.

Первая же смена показала, что эта работа легче, чем была до этого на промывке песков, и воспринималась даже как некий «санаторий».

Наберешь полный отвал торфов, и, пока бульдозер на красивых оборотах «под нагрузкой» толкает их 300 метров за границу полигона, можно смотреть по сторонам, предаваться любым своим мыслям.

Если же есть охота, то можно и песни петь или откинуть голову на спинку сидения, закрыть глаза и работать бульдозерным ножом вслепую, ориентируясь только по звуку мотора.

* * *

Доработать до конца на вскрыше торфов мне не пришлось. Приказом по прииску я был откомандирован в Сусуманский учебный комбинат на трехмесячные курсы взрывников.

Такой поворот событий был для меня из разряда приятных.

Тот, кто владел сразу двумя важнейшими горняцкими профессиями – бульдозериста и взрывника, мог рассчитывать круглый год, все 12 месяцев, на работу по этим специальностям, так как работа бульдозериста была работой летней, а взрывника – зимней.

Рабочих, имеющих права на обе эти профессии, на прииске было немного, всего несколько человек. Мне тут явно повезло.

А кроме этого, в глубине души, после 10 месяцев напряженной работы хотелось разнообразия, смены деятельности и смены впечатлений.

Была еще одна приятная новость – за все время учебы курсантам выплачивалась в полном объеме та заработная плата, с которой он уходил на курсы.

* * *

Стояла новая, вторая для меня зима на Колыме.

Зима морозная и жестокосердная. Такая, какая обычно бывает в этих краях. Все вокруг завалено глубокими снегами. Куда ни смотри, везде никаких признаков жизни, везде тишина и белое кружевное кладбище насквозь промерзших деревьев и кустов.

Небольшие речки вымерзли до самого дна, лед на них местами вспучило белыми колпаками. Колпаки эти пестрят трещинами, и в самые широкие из них можно протиснуться боком, прыгнуть внутрь на самое дно реки в ледяную пещеру и постоять там в молчании, восхищенно оглядывая подледное царство.

Световая полоска дня маленькая. Основная часть суток – это длинные, темные и холодные ночи. Луна появляется редко. Высветит мертвенным, колючим светом небольшой участок неба вокруг себя, поглядит на мертвый мир дрожащим желтым глазом и снова надолго прикроется мглой.

Жизнь курсантов проходила в тепле и уюте наших жилых комнат, столовой, учебных аудиториях и клуба.

Завтрак в 9 часов утра. Начало занятий в 10⁰⁰.

Мы изучали разнообразные взрывчатые материалы, учились по формулам и коэффициентам высчитывать силу взрыва и сопротивление разных видов горных пород, работе в шахте, на полигоне и на шурфовке, огневому палению, электропалению и технике безопасности.

Через три часа, в 13 часов, перерыв на обед. Затем снова занятия до 17 часов. В 18⁰⁰ – ужин. С 19 часов для нас наступало свободное время.

Сразу после ужина вся наша группа расходилась по комнатам, разделившись на компании по симпатиям и интересам, до 20 часов – время начала киносеанса.

За стенами наших домиков – крошечная тьма и дикий холод, а внутри жарко натоплено, густой запах хорошего табака и много людских разговоров.

Так прошло три месяца, и к весне я вернулся на свой прииск с правами взрывника всех видов взрывных работ, применяемых в горном деле.

* * *

Первая моя работа в новом качестве проходила на большом полигоне в шести километрах от поселка.

Вся площадь полигона уже была забурена трехметровыми шпурами, и наша бригада взрывников пришла сюда для того, чтобы подготовить полигон к взрыву.

Работа на полигоне проходила при сильнейшем морозе, который опустил ртуть за отметку 50 градусов. Температура воздуха достигла той черты, когда всякие работы отменяются, а рабочие дни активируются. Теперь каждый раз во тьме раннего зимнего утра гудок котельной условным сигналом извещал всех о том, что можно заворачиваться по-теплей в свои одеяла и досматривать прерванные сны.

Но этим правом пользовались не все. Были исключения в силу производственной необходимости. С нашим полигоном тоже надо было спешить, поэтому мы каждое утро выходили на свое рабочее место.

На краю полигона дымил трубой «теплячок», а в центре полигона весь световой день горел костер для срочного обогрева.

Каждому работающему в активированный день, в виде компенсации, выдавалась от приисковой администрации бутылка чистого питьевого спирта.

Первая часть нашей работы – зарядка шпуров.

Машины подвозили со склада ящики с патронированным аммонитом, а мы закладывали в шпуры нужное количество патронов, утрамбовывая каждый из них ударами деревянного шомпола.

После окончания этой работы в каждый шпур нужно было вставить по последнему патрону с вмонтированным в него электрокапсулем.

Ртутный столбик стоит все дни и ночи на одной, постоянной отметке – минус 52 градуса.

Работать приходится рывками, через каждые 15 минут подбегая к костру, а через каждый час уходить минут на пятнадцать в «тепляк» – на перекур и общий обогрев.

Такой была первая часть работы.

Следующая часть начиналась с того, что в «тепляке» на раскаленной «буржуйке», в большом котле подогревалась и перемешивалась со снегом глина. Каждый взрывник катал из этой глины «пыжи» и, накатав полный картонный ящик, выносил его к шпурам. Осторожно, чтобы не повредить тонкие проводки электровзрывателя, которые выглядывают наружу каждого шпура, нужно было заделать отверстия шпуров этими глиняными пыжами. Уже через час, на морозе теплая глина превращалась в камень.

Третья часть работы требовала большой аккуратности.

Нужно было снять с рук меховые рукавицы и заменить их на шерстяные перчатки с отрезанными концами для указательного и большого пальцев. Передвигаясь на корточках от одного шпура к другому, необходимо было оголенными концами четырех пальцев прикручивать тонкие проводочки (по две от каждого электрокапсуля) к проводам единой электроцепи. Голые кончики пальцев быстро теряли свою гибкость и чувствительность и требовали обогрева. К завершению работы они становились черно-коричневыми, обожженными морозом.

Но вот полигон заряжен, шпуры запыжеваны, электроцепь замкнута.

На все это ушел месяц работы. Наступил день «Х», день взрыва полигона.

Бригадир проверил специальным прибором замкнутость цепи, и у всех отлегло от души: все в порядке, цепь замкнулась – можно взрывать.

Последний взгляд вокруг, последние свистки безопасности, и палец бригадира нажимает на взрывной машинке кнопку «Взрыв».

Земля под ногами резко дергается, вся площадь полигона вспучивается, окутывается дымом и снежной пылью, плотной стеной поднимается высоко в воздух и, оставив наверху крутое белое облако, опускается на землю тяжелым камнепадом.

Вслед за первым полигоном был и второй, но морозы снизились до 30 градусов, и он нам достался легче, чем первый.

После этого нашу бригаду взрывников расформировали и рассредоточили на другие участки работы. Меня послали приобретать опыт взрывной работы на шурфовке.

Место моей новой работы находилось в 10 километрах от поселка.

С утра я отправлялся на машине на аммонитный склад, получал там нужное количество взрывчатки и огневые капсулы с вмонтированными в них бикфордовыми шнурами, после чего машина доставляла меня к месту работы.

Каждый шурф нарезают два шурфовщика. Их инструмент – ломик, скребок, ведро («цибарка») с длинной веревкой и «вороток», похожий на подъемное устройство ведра из деревенского колодца.

Их работа заключается в том, чтобы, сменяя друг друга, выдалбливать ломиком на дне шурфа три или четыре углубления (ямки) до 30 сантиметров в вечную мерзлоту.

Когда ямки «забурены», подходит взрывник, спускается в глубь шурфа, заряжает подготовленные ямки рассыпным аммонитом и производит огневое паление.

После взрыва шурфовщики с помощью большого

ведра цилиндрической формы и ворота «выкачивают» из шурфа взорванную породу и вновь забуривают подошву шпура, уходя с каждым взрывом все глубже под землю.

Взрывник обслуживает одновременно несколько шурфов.

Переходя от одного шурфа к другому, он спускается на дно каждого из них только с помощью рук и ног, упираясь ими в стенки шурфа.

Но самый ответственный момент наступает тогда, когда зажжешь бикфордовы шнуры и быстро, упираясь спиной и ногами в стенки шурфа, карабкаешься наверх, стараясь не сорваться вниз, туда, где должен сию минуту прогреметь взрыв.

Техника безопасности велит, чтобы взрывника в шурф спускали и поднимали своим воротом шурфовщики. Однако на практике этим способом никто из взрывников не пользовался, даже если глубина шурфа достигала 10 метров.

И все из-за утвердившейся ложной бравады.

Из-за этой бравады редко, но все-таки случались трагедии с печальным исходом.

Или взрывник, спускаясь, сорвется вниз и покалечится, или и того хуже, запалив бикфордовы шнуры и карабаясь на поверхность, не уложится в отведенное время и попадет под взрыв.

Однако подобные случаи не могли изменить сложившейся традиции ухарства и бравады. Кому хотелось стать предметом унижительных насмешек и матерных подначек?

На шурфовке мне не пришлось долго работать. Только-только я успел освоиться в этой работе, как меня приказом перевели на бульдозер.

Я снова попал в бригаду Миши Рушкина, которая обслуживала один из промывочных приборов.

* * *

Лето 1959 года, мое второе колымское лето.

Пролетело оно для меня быстро и незаметно. Этим летом мне исполнился 21 год.

Уже 20 месяцев прошло с тех пор, как я покинул свои родные южные края. А какие перемены в жизни! Сколько нового! Сколько непредвиденного и просто непредсказуемого! Сколько новизны, сколько испытаний разного рода и разных свойств!

Освоены три горняцкие профессии, отработано пять зимних месяцев под открытым небом на низшем пределе минусовых температур, за плечами уже второй промывочный сезон на золотых полигонах.

Для «работяг» здесь я уже свой, такой же, как и они, «работяга». Идя навстречу, люди еще издали улыбаются мне; подойдя, жмут руку, похлопывают по плечам.

Живу я, как и все люди вокруг меня.

Рядом с ними работаю, вместе с ними отдыхаю: веду непринужденные разговоры, бражничаю, пою вместе с ними песни. Но стопроцентного сходства не было. И вот из-за чего.

Я в любом разговоре не употребляю матерных слов и не рассказываю «сальных» анекдотов.

Язык не поворачивается.

Однако это не снижает, а, наоборот, несколько повышает ко мне интерес окружающих, создает атмосферу любопытства с оттенками уважения, которые я вижу и ощущаю.

Я не помню случая, чтобы на меня повышали голос или обращались ко мне в свободной матерной форме.

Второе отличие заключалось в том, что все окружающие меня люди открыто в разговорах выстраивали свою будущую жизнь с пребыванием и дальнейшей работой на Колыме, с теми горняцкими профессиями, которые они уже имели или еще рассчитывали приобрести.

Не так обстояло дело со мной.

Я жил, старательно работал, но ни на минуту не мог себе представить, что все теперешнее – место проживания и моя работа – останутся для меня на все мои последующие годы.

Я жил и работал в данных условиях и в данной местности только потому, что во мне постоянно, не покидая меня ни на минуту, жила уверенная надежда, что и такая жизнь, и такая работа, и место моего проживания должны в недалеком будущем резко измениться.

Во мне сквозным ветром гуляли мечты о чем-то ином: по другим местам; другому образу жизни, связанному с совершенно иной профессией.

Я носил эти чувства в себе и ни с кем никогда ими не делился. Носил и верил, что так и будет.

Эта, неизвестно откуда утвердившаяся во мне тайная вера в другое предназначение укрепляла мой дух, который, бывало, временами издавал тоскливые ноты.

Однажды я работал на полигоне в ночную смену.

Под утро выпала обильная роса, предвестница жаркого дня.

Уже восемь часов подряд я своей машиной подавал пески в бункер промприбора, за темным контуром которого, прямо передо мной, всегда всходило солнце. Утомленный ночной работой, я ждал этого момента.

Настало время, когда в глубине темного неба появилась вначале размытая светлая полоска. Она быстро увеличивалась в размерах и, наконец, стала покрываться тонким румянцем. Это первые, еще никому не видимые, лучи солнца начали свою монументальную работу живописцев. Розовый цвет тонко переходит в красный, потом в ярко-красный. Солнечные лучи медленно склоняются к земле, и вот их свет лег на вершины сопок. Там, в кустах густого стланика, наступал новый день. Светлая полоса медленно поползла по темно-зеленым склонам вниз. На самом дне распадка еще темно, но плотная белая лента тумана над холодной, ключевой водой нашего ручья уже хорошо

видна. Она повторяет все изгибы ручья и полностью скрывает его от людского глаза своей плотной массой. Пахнул ветерок. Дохнуло утренней свежестью. Ушел сон, пропала усталость.

В этот самый миг передо мной на фоне раннего утреннего неба вспыхнули разными цветами крупные бриллианты!

Они были нанизаны на ровные нити, натянутые и уходящие от меня вдаль. Бриллиантовая дорожка ярко переливается и мигает перед глазами. Сразу начинаешь понимать, что такую красоту можно увидеть только один раз в жизни, что она мимолетна и мгновенна и, уйдя обратно, не вернется к тебе уже никогда.

Торопясь, я остановил бульдозер и выскочил из кабины на гусеницу. Впереди меня все блистало и переливалось загадочным образом. Моя машина упиралась отвалом в золотые пески, мотор тихо постукивал, я стоял на широкой гусенице в полном оцепенении.

Но необъяснимый *шедевр* вдруг мгновенно исчез, пропал так же, как и появился.

На том месте остались лишь одни провода линии электропередачи, навешанные на деревянные столбы. За ними склон сопки, а еще дальше освещенное солнцем утреннее небо.

Все ясно! Сверкающие бриллианты – это роса, повисшая на проводах. А тот *художник*, который соединил металл с водой в единой *высокой красоте* кратковременного *шедевра*, был *первый утренний луч солнца!*

Как только этот луч изменил в своем движении угол наклона по отношению к земле, шедевр вмиг пропал. Никто, кроме меня, тех чудес природы не видел. Для этого нужно было оказаться в том месте и в тот момент, в котором находился я.

* * *

С осени 1959 года государство стало вводить на золотых приисках Колымы новшество.

Было предложено желающим создавать на приисках *старательские артели* на полной финансовой самостоятельности. Силами старательских артелей оно планировало произвести зачистку старых шахтных выработок и отработанных наземных полигонов, а также вторичную промывку всех галечных отвалов.

Эти шахты, эти полигоны и эти галечные отвалы были отработаны и перемыты в военные годы, когда применялась более примитивная техника и когда рабочей силой были преимущественно «зека».

Те времена прошли, «легкого» золота поубавилось, назревала необходимость заново пройти по когда-то отработанным полигонам, шахтам и галечным отвалам, переработать и перемыть все периметры, все углы с низким содержанием золота.

Государству заниматься этим было очень невыгодно в силу высокой себестоимости таких работ. Родилась идея разрешить организацию старательских артелей и переложить эту работу на их плечи. А рядом с ними активизировать работу старателей-одиночек.

Артели «догрызут» и зачистят все отработанные полигоны и шахты военных времен, перемоют заново всю гальку, собранную когда-то в отвалы, а старатели-одиночки со своими лоточками да «проходнушками» зачистят все периметры, все углы, и тогда можно будет все эти места активировать на вечные времена.

Прииск, как государственная организация, передает им в течение финансового года все необходимое для налаживания работы в долг. Этот долг они должны после окончания каждого промывочного сезона возвращать прииску сполна сданным в приисковую золото-приемную кассу всего промытого ими золота.

А брать старателям у прииска в долг приходилось многое: бульдозеры, скреперные лебедки, электромоторы, ди-

зельное топливо, смазочные масла, аммонит с детонирующей основой, трос, лесоматериалы, металл, болты, гайки, гвозди, компрессоры, буровые молотки, электроэнергию и многое другое.

Никаких гарантий своего успеха старатель не имел.

С самого начала все складывалось для него рискованно, непредсказуемо и опасно.

Однако, как, вероятно, и предполагало правительство, недостатка в желающих рискнуть не было. Машина завертелась быстро.

На нашем прииске в этом деле проявили особую сноровку, и *первая на Колыме старательская артель с названием «Дружба» появилась именно здесь.*

Ко всеобщему удивлению туда потянулись классные специалисты прииска. Даже Миша Рушкин засобирился в артель, но приисковое начальство остановило его соблазном перевода на только что доставленный на прииск новенький мощный дизель-электрический бульдозер ДЭТ-250 – образец технической новинки. Устоять против этого Миша не мог.

В те дни и меня сагитировали перейти с прииска в эту старательскую артель.

Мне рассказали о формировании в артели первого звена, о том, что у них уже есть скреперист, есть кузнец, есть компрессорщик и опытный бурильщик, есть электрик, есть плотник. Но вот теперь им осталось подыскать бульдозериста и взрывника, желательно в одном лице, чтобы использовать его зимой в качестве взрывника, а летом в качестве бульдозериста.

Перебирая возможные кандидатуры, они остановились на моей.

Через неделю я был уже старателем 1-го звена (15 человек) первой на Колыме старательской артели «Дружба».

Это был вызов *судьбе, удаче и случаю.*

Нашлись и такие люди, которые считали, что у тех, кто идет в старатели, нет ни на грош жизненного практицизма,

ни на копейку расчетливости и осторожности и никакого умения вычислить дальнюю перспективу.

А впереди у старателей станет работа «на износ» в самом жестком временном рабочем режиме – 12 часов ежедневной работы. Без выходных. Такой график работы полностью исключал все, что можно связать с понятием «личная жизнь».

Только работа, еда и сон; работа, еда и сон.

Больше года я ни одного раза не был в клубе, а это значит, что за все это время я не просмотрел ни одного кинофильма и не увидел ни одной праздничной концертной программы. Больше года я не сидел ни в одной дружеской компании. Работа, еда и сон! Работа, еда и сон!

Началась зима. Нашему звену отвели для зимней работы старую шахту и рядом с ней такой же старый отработанный полигон с двумя промытыми 15 лет назад галечными отвалами.

Необходимо было в течение зимних месяцев заново организовать и провести все необходимые работы по зачистке шахтных и полигонных песков с помощью бурового станка, бур молотка и взрывных работ. Скреперной лебедкой складировать их на большом открытом пространстве, где с началом промсезона нужно будет установить самодельный, деревянный промприбор и промыть все добытое и собранное за зиму.

А дальше все будет так...

Звено отработает год, сдавая все намытое золото приisku за полцены, после чего прииск вычтет из общей суммы все то, что было нами взято у него в долг, а остаток переведет на нашу бухгалтерию.

Наша бухгалтерия выплатит твердый оклад председателю, бухгалтеру и горному мастеру, а оставшиеся деньги будут поделены пополам: первая половина пойдет на счет артели на опережающее развитие, а вторую поделят на количество наработанных всеми нами трудодней и выдают каждому заработанную им сумму.

Так коротко, в самых общих чертах, выглядит то, чем мы будем заниматься.

Каждый «кандидат в старатели» должен был иметь не одну, а две или более горняцких профессий.

Каждый горняк на своем рабочем месте должен быть на хорошем счету, лучшим из лучших. Бригадиру 1-го артельного звена нужно было пригласить на работу 15 таких человек. 14 человек вскоре были отобраны. Но последний, пятнадцатый, никак не находился.

Уже шли дни горячей работы. Мы готовились нарезать свою собственную шахту. В один из таких дней каждый был занят неотложным и срочным делом.

Один перематывал обмотку сгоревшего электромотора, выпрошенного у знакомого мастера приисковых механических мастерских. Другой закончил оборудование примитивной кузницы и пробовал в ней обрабатывать коронки для бурового станка и бурового молотка. Несколько человек монтировали и устанавливали на бревенчатом настиле скреперную лебедку. Еще несколько человек работали пилой и молотками, готовя вместительный «тепляк» с печкой-буржуйкой для массивного, мощного компрессора. Я подрезал бульдозерным отвалом борт, готовя место для начала нарезки шахтной штольни.

В этот момент на полигоне появился наш бригадир, а вместе с ним новый для нас человек.

Все оставили свои дела и потянулись к костру на перекур.

– Вот привел вам землю. Пятнадцатым у нас будет.

Пятнадцатый внешне выглядел внушительно.

С первого взгляда бросалась в глаза фигура, в которую была заложена большая физическая сила.

Он обошел по кругу всех нас и с каждым поздоровался за руку, называя при этом свое имя – Миха!

Больше мы от него в тот день ничего не услышали.

Курить в общей компании он не стал, сославшись на то, что некурящий, а тут же, взяв лежащую на бровке сов-

ковую лопату, пошел к тому месту, где намечалась нарезка штольни, и стал ловко орудовать этой лопатой, расчищая контур входного отверстия будущей штольни.

Пользуясь его отсутствием, бригадир доложил звену, что пришлось взять «кота в мешке», так как он (Миха) не соответствовал ни одному из тех требований, по которым набирали в бригаду нас.

По профессии он был оформлен на прииске как чернорабочий.

Как о работнике о нем никто ничего не знал. Он появился на прииске недавно. Жил не так, как жили все одинокие, в рабочем общежитии, а снимал койку у вдовы-промывальщицы в частном домике на краю поселка.

– Ну да на безрыбье и рак рыба. А там поглядим да побачим.

Ладно. Потянулись бесконечно длинные, наполненные тяжелым трудом дни. Бригада работала ежедневно по 12 часов.

Сама собой сложилась система совместных перекуров через каждые два часа у костра или в тепляке у печки-буржуйки.

Один Миха никогда не бросал на это время свою работу.

Все курили, перебрасывались шуточками, подставляя огню костра то один бок, то другой, потирали озявшие руки над пламенем, а Миха продолжал выполнять свою работу чернорабочего, орудуя своей лопатой, как ковшом скреперной лебедки. И это повторялось каждый раз, когда наступало время нового перекура.

Вначале его звали, иди, мол, к нам.

– Если не куришь, то хоть посиди со всеми просто так, передохни, ведь от работы кони дохнут.

Ничего подобного. Миха улыбнется, махнет рукой и продолжает свою работу.

Ежедневно полчаса бригада уделяла обеду. Рассаживались вокруг буржуйки. Каждый ел то, что принес с собой,

затем перекуривал со вкусом, и работа продолжалась дальше.

Один только Миха к общей массе не присоединился. Он садился на землю прямо под открытым небом, там, где заставлял его обеденный час.

Доставал из правого нагрудного кармана плоскую флягу с очень крепким чаем, а из левого – завернутый в газету бутерброд, состоящий из двух кусков черного хлеба с прослойкой между ними из толстого куска вареного свиного мяса. Съедал все это за десять минут и тут же приступал опять к своей работе.

Поговорить с ним по душам никому не удавалось. Работая, он никогда не останавливался и не отвлекался для разговоров. И на работу и с работы он вышагивал свои три километра по протоптанной в снегу тропинке всегда в одиночку. Приходил утром на работу раньше всех и уходил с полигона, когда там уже никого не оставалось.

Все трудился и трудился, выполняя самую неквалифицированную работу, связанную в основном с тяжелой совковой лопатой.

– Миха! Больше одного трудодня бригадир все равно тебе не запишет. Иди, передохни с нами!

Миха покачает головой в разные стороны и продолжает свое дело.

Однажды, в связи с тем, что шахтный штрек был уже «пробит» и шахтная лава «нарезана» и готова к первому забуриванию, бригадир достал из своей сумки три бутылки питьевого спирта и предложил всем отметить начало нашей золотодобычи.

Все, гогоча и перебрасываясь шутками, потянулись в тепляк. Один только Миха не оставил своего места и продолжал делать свое дело.

– Ну, что это такое? Надо пойти его тряхнуть. Сколько можно...

– Сядь! Не трогай его! Он непьющий. Сам мне сказал об этом.

Бытовой мудрец Коля Гук, к словам которого все уже привыкли прислушиваться, покрутил головой и сказал с уважением:

– *Крепкий орешек! Не пьет, не курит, языком трепать не любит, пашет, как трактор.*

Проводили однажды в тепляке бригадное собрание (по фене это значит «базар»), так Миха и тут остался верен себе: пока все «базарили» да глотки надрывали, он зачищал своей лопатой в шахтной лаве взорванные пески.

К тому времени с ним уже свыклись и не мешали ему жить по своим законам. А жил он не так, как жили мы все.

Для нас все, что он делал, было непонятно. Никто из нас на такую жизнь способен не был. Поступки его были «из ряда вон выходящие».

Что там «не курит и не пьет»? Не в этом дело. Такие люди в обыденной жизни нам встречались. А вот работать каждый день по 12 часов без остановки, без передышки, без отдыха, зная, что за это он получит, как все, только один трудодень, никто из нас даже представить себе не мог.

Вот в чем была загадочность этого человека. Вот что объективно возвышало его в наших глазах, делало недосыгаемым эталоном, порождало уважение к нему и потаенное любопытство.

Копировать Миху в своей практике никому из нас и в голову не приходило. Все мы интуитивно чувствовали редкую и яркую неординарность этой личности в том, что она живет и действует вопреки общепринятым нормам, закрепившимся в такой среде, как наша.

И главное в этом то, что его с этого пути нельзя свернуть никакой силой. Это стало ясным очень скоро, и мы все свыклись с присутствием среди нас такого человека.

Более того, он стал нам нужен. Неизвестно для чего, но нужен.

Нужен – и все тут! Нужно, чтобы мы приходили на свой полигон, а он уже работал там вовсю. В процессе дня он был нужен нам для того, чтобы, взглянув на него, вобрать

в себя теплую волну хорошего чувства – маленькой непонятной радостной удовлетворенности.

Мы расходились по домам в конце рабочего дня, а он еще оставался на полигоне или в шахте, и для нас это тоже был какой-то знак удачи, знак того, что наше дело не имеет конца, оно безостановочно и результативно.

Все это сливалось в нас в одно потаенное чувство твердой уверенности в той жизни, которой мы живем.

Эти смелые выводы и предположения я делаю на основании того поведения, какое наблюдал у всех остальных тринадцати старателей нашего звена по их отношению к пятнадцатому члену нашей бригады.

Опыт последующей, достаточно продолжительной жизни дает основание предполагать, что человека с такой поразительной физической работоспособностью мне больше видеть не довелось.

Миха был тогда и остается сейчас для меня воспоминанием – мерилом особого отношения человека к физическому труду, такого отношения, про которое в народе говорят: «Работа любит дураков». Но я почему-то не хочу считать таких людей, как *Миха* (если они есть), дураками.

* * *

Всю первую зиму я, как единственный взрывник в бригаде, проработал от звонка до звонка без выходных в одну сплошную ночную смену. Это было очень тяжело.

Работал в одиночку, один как перст, работал в 3 километрах от поселка в сплошной теснине заваленных снегом «мертвых отвалов», работал часть ночи под землей в шахте при свете фонаря «Летучая мышь», а другую часть ночи на поверхности при свете луны.

Это было тягучее однообразие, потому, что все мои ночи походили как две капли воды одна на другую.

С моей впечатлительностью мне было страшно и одиноко одному глухими ночами вдали от людского жилья.

Смена моя длилась 12 темных ночных часов, и все 12

часов все во мне было мобилизовано, все было начеку – ты один, помощь не придет, надейся только на самого себя.

Начиналась моя смена всегда с того, что я, дождавшись положенного вечернего часа, надевал на себя рабочую робу и отправлялся пешком на аммонитный склад, в двух километрах от поселка.

Получив там все необходимое для проведения взрывных работ, с большим рюкзаком за плечами и мешком рассыпного аммонита (40 килограммов) на плече, я отправлялся в темноте холодной зимней ночи в долину «мертвых отвалов».

Шел медленно и долго, скрипя снегом, извилистой и узенькой тропкой, между тесно уставленных нагромождениями галечных отвалов, которые, когда из-за туч выходила луна, бросали резкие тени на моем пути.

Вокруг меня глухая ночь и мертвая тишина, в которой скрип моих шагов казался неуместным и только добавлял в душу напряжения. Хотелось шагать неслышно, но это было невозможно.

Когда небо бывало чистым, звездным, а желтый ночник луны разливал вокруг меня мягкий, тусклый свет, то черные тени съеживались, обзор расширялся, и становилось спокойней. Глаза начинали любоваться редкой красотой, которую создавали три цвета: желтый, черный и белый.

На середине пути я останавливался для отдыха и перекура.

Спускал с плеча на снег тяжелый мешок с взрывчаткой и садился на него, не снимая со спины рюкзака. Закуривал, с наслаждением затягивался и, пока папироса уменьшалась в размере, бросал взгляды на небо, с великим множеством дрожащих от холода звезд, да на лимонный снег вокруг себя.

Тепло, накопленное под одеждой тяжелой ходьбой, на крепком морозе быстро заканчивалось и переставало греть меня изнутри. По телу начинала гулять прохлада. Папироса докурена до мундштука. Пора идти дальше.

Дойдя до места своей работы, я открывал дверь «тепняка», включал свет и первым делом растапливал железную печь. Когда огонь разгорался, я засыпал в печь ведро угля и ставил на нее котел с замерзшей в камень глиной. Затем отправлялся заряжать полигон, который забурила для меня дневная смена.

Со мной неизменно были три вещи: мешок аммонита, мерительный совок и фонарь «Летучая мышь». Этот фонарь становился моим почти одушевленным напарником. Без его живого света я не смог бы справиться ни с одним делом. С его помощью я находил забуренные шпур, видел, куда нужно сыпать совком взрывчатку, а вставляя голыми руками в каждый шпур детонаторы, грел ладони около его горячего стекла.

Когда я возвращался в «тепняк», то 5 часов моей смены (после выхода из дома) были уже позади. Теперь – обогрев с перекуром, и снова за работу. Беру с собой новую партию взрывчатки (это уже патронированный аммонит) и спускаюсь в шахту.

Здесь теплей, чем наверху, но как-то совсем жутко, тревожно и неуютно душе: густая темень подземелья, лабиринты ходов, пещерные выемки в линзе, хруст льда под ногами подчеркивали мою незащищенность и поторапливали в работе.

Я добирался до лавы и, проходя ее из конца в конец, производил зарядку забуренных дневной сменой шпуров, а на обратном пути вставлял в них детонаторы и скоренько выбирался наверх.

Половина 12-часовой смены была уже позади. Мороз жал на всю железку, но в «тепняке», вокруг раскаленных докрасна стенок буржуйки, уже спрессовался теплый воздух. Можно было даже, расстегнув меховой полушубок, спокойно покурить перед следующим этапом работы.

А этапом этим был 2-часовой период изготовления глиняных колбасок, похожих по форме на сардельки. Я хорошо знал и не раз уже убеждался на опыте, что плотным пыжеванием шпуров с последующей их заморозкой можно до-

биться большей экономии взрывчатки, закладывая ее в шпуры вдвое меньше установленной нормы.

Поэтому я и сидел 2 часа над баком с теплой глиной и крутил, и крутил из нее колбаски, чтобы на каждый шпур пришлось не менее двух пыжей. И взрывчатку, и бикфордов шнур с капсулями-детонаторами наше звено брало в долг у прииска, поэтому главным в моей работе взрывника было умение находить, на чем экономить.

Я и старался делать это, где мог и на чем мог. Благодаря удвоенному пыжеванию и последующей заморозке, взрыв получался экономней раза в два. Это во-первых.

А во-вторых, я еще умудрился экономить на длине бикфордова шнура, хотя и сильно рисковал при этом: я нарезал бикфордовы шнуры, вдвое короче положенной нормы.

Поэтому при отпаливании шахтной лавы мне нельзя было потерять ни одной секунды, нельзя было позволить себе ни одного лишнего движения. Я шел вдоль лавы, зажигая трутом один шнур за другим.

Чтобы шнур загорелся сразу и загорелся наверняка, я перед отпалкой делал на конце каждого шнура острым ножом глубокий косой надрез и выворачивал его порохом наружу.

Уже через две минуты мне вдогонку начинали бухать взрывы, заполняя дымом и запахом отработанной взрывчатки небольшое шахтное пространство.

Отпалив последний шнур, я пулей выскакивал через аварийный «лазок» на поверхность и был доволен собой оттого, что не сдрейфил, и еще оттого, что ощутимо всякий раз экономил артельные деньги.

Сидя у печки, я лепил пыжи и почти всегда тихим голосом напевал. Работа долгая, двухчасовая; однообразная, одинокая, ночная, опасная своей дремотой и сонливостью. Она сама вынуждала обратиться к пению.

Вместе с песней у меня в голове зарождались живые картинки, которые будоражили душу, сменяя друг друга,

и мне было хорошо с ними забывать про теперешнее состояние, про дремоту и сон. И я тихо пел.

Пел, слегка согнувшись над бачком с глиной, пел, улыбаясь своим мыслям. Пел и забывал о том, что в этой холодной тьме глухой ночи я сижу один в деревянном сарае, на перевернутом ящике у закопченной печки и катаю грязными руками глиняные колбаски.

Незаметно для себя я начинал раскачиваться на своем ящике из стороны в сторону, растревоженный сладким обманом слов и музыки.

Это она, начиная с моих 14 лет, увлекала меня, взяв за обе руки, в совершенно другой мир – мир возвышенной любви и заразительного веселья. Это она приподнимала меня в моих мечтах и уносила далеко-далеко в другую жизнь. Пусть не навсегда, пусть ненадолго – но мне хватало этого счастливого момента, чтобы продолжать после этого жить своей жизнью дальше.

А время моей смены незаметно уходило, вот и готов последний пыж.

Отрываюсь от теплой печки, с неохотой расстаюсь с романтическими грезами и ныряю снова в темень и стужу.

В одной руке тяжелое шурфовочное ведро-цибарка с первой порцией пыжей, в другой – фонарь и шомпол. Пыжу вначале шахтную лаву, а затем полигон.

В этом скрыт расчет. В лаве теплей, и пыжи будут замерзать, превращаясь в твердый камень дольше, чем наверху на полигоне. Им я даю на это времени больше на целый час. В этом вся премудрость. Чем тверже станет закурка шпуров, тем качественней будет взрыв и больше экономия израсходованной взрывчатки.

Несколько раз возвращаюсь в «тепляк» за новой партией пыжей. Некоторые из них, даже лежа у раскаленной печки, успели уже подмерзнуть, но в дело пойдут.

Наконец, все! Эта работа окончена! Остается последний этап – огневое паление. Взрываю сначала шахту, полигон потом.

В этом тоже есть свой расчет. Я не могу уйти домой, прежде чем не осмотрю результаты взрыва: все ли шпуры взорвались, и нет ли где заколов. А в шахте это можно сделать только тогда, когда она после взрыва проветрится. Поэтому я взрываю ее первой, и, пока после этого вожусь с полигоном, она успевает выпустить весь дым и газ наружу через аварийный лаз.

Спускаюсь в шахтное нутро, цепляю фонарь на левое плечо, чтобы освободить обе руки, и, передвигаясь вдоль лавы, острым перочинным ножичком начинаю делать глубокие надрезы на концах бикфордовых шнуров, выворачивая их порохом наружу. Потом возвращаюсь в самое начало лавы, прижимаюсь ближе к забою и начинаю горящим трутом зажигать один шнур за другим, отходя все вправо и вправо.

Работать стараюсь в быстром темпе, но без спешки. Слева от меня шипит и дымит горящий порох, и, когда до выходного лаза остается метров десять, начинают методично рваться первые заряды. Воздух тугими хлопками бьет мне в левое ухо, газы щекочут в носу – нужно спешить, но спешить без суеты.

Вот он, последний шнур, последняя вспышка пороха!

Все! Извиваясь, как ящерица (опыт приобретен на шурфовке), с фонарем на шее выскакиваю на-гора. Под землей гремят последние взрывы, а я иду к «тепляку», чтобы перекурить, а потом отправляться взрывать полигон. Отпаливаю полигон двумя заходами.

Уменьшенные в своей длине вдвое (в целях той же экономии), шнуры не позволяют по времени своего горения сделать это за один раз. Благо, что здесь, на поверхности, не надо ожидать проветривания – весь дым и газ тут же уходят в атмосферу.

Ну, вот вся сменная работа сделана!

Скоро на это место придет для 12-часовой дневной работы все наше звено, все 14 человек. Их главная задача – очистить взорванный мною полигон и шахту от свежих

песков, пока их не сковал мороз; передвинуть эти пески скреперной лебедкой на центр будущей промывочной площадки и снова забурить к моему ночному приходу полигон и шахту.

Но это только самое главное для них. Помимо этого нужно уже сейчас, каждый день, продумывать и готовить все необходимое к будущему промывочному сезону, а это уйма больших и малых дел.

После осмотра полигона и шахты у меня последний перекур с ощущением хорошей рабочей усталости и сладкого сна впереди.

По пути домой захожу, как всегда, в нашу приисковую столовую.

Час ранний, в столовой никого еще нет. На кухне две женщины, которые знают всех своих постоянных клиентов, знают их привычки и вкусы, всегда стараются выполнять их просьбы.

Они выкладывают передо мной двойную порцию приготовленного завтрака и ставят на стол пивной бокал, наполненный горячим молоком, а рядом кладут стограммовую плитку шоколада «Гвардейский».

Я улыбаюсь им, благодарю, снимаю с шоколада красивую обертку, ломаю плитку надвое, опускаю обе половинки в молоко и принимаюсь за утреннюю трапезу. Поев, выхожу в холодный тамбур и с наслаждением выкуриваю папиросу. Потом, вернувшись в зал, выпиваю уже остывшее до нормальной температуры молоко с растворившимся в нем шоколадом и, простившись с поварами, бреду в свое общежитие.

На сон отведено только 8 часов – и ни часом больше. В положенное время новый подъем, снова роба и новый рабочий виток, который начинается с аммонитного склада и продолжается дальше так, как я только что об этом рассказал. Все, что было в описанную ночь, будет и в следующую, и во все последующие ночи.

Будет до тех дней, пока полным хозяином Дня и Ночи станет Солнечный Свет.

Днем он будет слепить глаза, превращать глубокие снега в половодье журчащих повсюду ручьев, снимать с людей зимние ушанки, ватные телогрейки, меховые куртки и теплые рукавицы. Будет забираться в души людей светлой радостью ожиданий и надежд. А наступающий переход к следующему дню станет порой Белых Ночей.

Наше звено начало серьезно готовиться к своему первому про-мывочному сезону.

Вовсю шел монтаж нашего первого самодельного промприбора: я на стареньком бульдозере готовил водо-заборный котлован; кто-то занимался прокладкой труб для подачи воды на будущий промприбор; другие возились с установкой трансформатора, перематывали сгоревшие за зиму электромоторы, занимались массой других больших и малых дел.

В процессе всех этих работ я постоянно был нужен всем и в качестве взрывника, поэтому приходилось то и дело отвлекаться от «своего» котлована для производства мелких взрывных работ: то подорвать «борт», то убрать взрывом «kozyрек», то углубить в вечной мерзлоте ямы для установки столбов нашей линии электропередачи.

* * *

В один из погожих вечеров, после окончания дневной смены, я, по дороге домой, зашел в правление нашей артели «Дружба».

Артель получила (в счет будущей оплаты) для своих нужд два мощных мотоцикла «Урал» с колясками. Уже дважды до этого я ездил на них возле правления, и меня эта езда увлекла.

Сегодня мне захотелось продолжить осваивать навыки их вождения. Мне казалось, что я уже могу совершить дальнюю прогулку. Никаких препятствий этому не было.

В первые месяцы существования артели порядок был такой: если машина стоит у правления невостребованная,

то загляни в правление, скажи там, на сколько ты хочешь взять мотоцикл, и поезжай себе сколько хочешь.

Обе машины были на месте. Я завел одну из них и выехал на Колымскую трассу. Проехав немного по ней и разминувшись с несколькими «Татрами», которые своими габаритами прижимали меня вплотную к кювету, я почувствовал себя не очень уверенно на большой дороге и свернул на первую, попавшуюся мне на пути старую, давно заброшенную, узкую тропу, ведущую к отработанным полигонам.

Ширина тропы была в один бульдозерный отвал. Сама она, петляя, уходила то вверх, взбираясь на холмы отработанной когда-то породы, то круто падала к их подножью.

Я ехал не спеша и осторожно, высматривая удобное место, где можно было бы развернуться и повернуть назад. Долго не видя ничего подходящего, я начал такой разворот на «авось».

Потом все произошло мгновенно.

На половине разворота колесо коляски пошло юзом вбок, потом ухнуло куда-то вниз и мотоцикл, перевернувшись кверху колесами, сбросил меня в узкую, но глубокую яму, придавив всей своей тяжестью и не переставая работать мотором.

После первой попытки шевельнуться в голову ударила волна страха: «Ловушка! Капкан! Тиски!»

По горячности дернулся всем телом. Куда там!

Обе ноги, тело и правая рука крепко зажаты сверху тяжестью железной махины. Невозможно шевельнуть ничем. От этого полного бессилия сердце стало наполняться ужасом.

Мотор тихо и монотонно постукивал, как бы успокаивая и приглашая взять себя в руки. На грудь упала капля, за ней другая. Это из перевернутого карбюратора начало сочиться горячее.

Первый приступ страха стал проходить. Медленно начало возвращаться спасительное хладнокровие.

Ждать помощи не приходится. О том, что я поехал в старые выработки, никому в голову не придет.

Что делать? С чего начать?

Главное – не поддаваться панике и как можно спокойней искать выход.

Опрокинувшийся мотоцикл придавил меня не всей своей тяжестью.

Он своими габаритами не вошел целиком в эту яму, а зацепился за ее бортовые выступы. Это было первое, что я понял после того, как ко мне стало приходить относительное спокойствие.

Дальше я отметил, что моя левая рука свободна. Вот и мое первое действие: дотянулся этой рукой до карбюратора и перекрыл его краник. Через минуту мотор заглох.

Теперь, в полной тишине, одиночество и безысходность стали ощутимей давить на сознание.

Это подтолкнуло почти к авантюрному действию. Я уперся левой рукой в топливный бак мотоцикла, который маячил перед самым лицом, и надавил на него, но на машине это никак не отразилось – нажим вышел слабенький.

Перевел руку к переднему колесу, ухватился за вилку и попробовал раскачивать машину. По бортам ямы зашуршал мелкий галечник, и неожиданно стопа правой ноги высвободилась из зажима.

Теперь одной рукой и одной ногой уперся в нависшую надо мной махину и с трудом смог освободить правую руку.

На душе стало радостней, и дышать стало легче!

Скоро удалось освободить и левую ногу. Теперь, упираясь ногами и руками в разные места машины, попытался ее раскачивать. С боков на меня сыпалась земля и галечник. Стал спиной, делая движения влево-вправо, подгребать все это под себя и немного менять положение тела.

Получилось!

Теперь перед лицом был уже не топливный бак, а коляска.

Она по весу легче основной массы мотоцикла и под моими нажимами стала подаваться вверх. Вот уже между бортом ямы и коляской появилась щель. Сквозь нее я вижу приметы позднего вечера.

Захотелось курить. Упершись обеими ногами в противоположный борт ямы, двумя руками раскачиваю, раскачиваю, раскачиваю нависшую надо мной машину. Земля и галька сыплется, сыплется под меня, а я, двигая телом, распределяю их под собой так, чтобы перейти как можно больше в вертикальное положение.

Верхняя часть тела приподнимается все выше, выше, и вот я уже не лежу, моя поза стала почти сидячей. Ноги переместились с борта на самое дно ямы, и теперь, крепко упираясь ими в землю, склонив голову себе на грудь, я смог приподнять коляску и, извиваясь телом, протиснуться в узкое отверстие и выбраться на поверхность.

После этого я довольно легко поставил машину на все ее три колеса и почувствовал боль и жжение в разных местах ушибленного тела. Не доставая папирос, завел мотор и уже при заженной фаре выехал на трассу.

* * *

Все лето и начало осени я работал в своей старательской бригаде, вначале на промывке песков, а затем на новой промывке старых галечных отвалов.

Нам вроде бы везло. За одну только 12-часовую смену наше звено намывало от 2 до 3 килограммов золота, что в сутки давало до 5 килограммов. Все ребята качали головами и цокали языками, выражая свое удивление такому повороту дела, так как мы все же шли по уже отработанным раньше площадям.

Сколько же здесь намывали золота, когда шли по этим местам в первый раз? Богата, сказочно богата Колыма!

Однако при наших долговых затратах, да при тех ценах за один грамм золота, которые назначил нам прииск, нам

это, видимо, не принесет больших барышей. Чтобы как-то материально оправдать вложенный нами в это дело труд, надо намывать и сдавать в золотоприемную кассу в два раза больше металла, чем мы это делаем сейчас.

Закончив промывку тех песков, которые мы сумели приготовить за зиму, наше звено перешло на промывку отведенных нам галечных отвалов.

Все мы знали о том, что это была сплошная профанация, нужная для отчета только прииску, а не нам. Она ни при каких видах не даст нам хотя бы тех 5 килограммов золота, которые дали промытые пески.

Но промывка почти пустых галечных отвалов была главным условием нашего договора с прииском. Поэтому приходилось, скрипя зубами, целый месяц гнать и гнать через наш прибор голую, промытую когда-то до нас чистую гальку, надеясь на то, что, может быть, осенью мы не останемся без штанов.

На деле так оно и получилось. Переработав сотни тонн гальки, мы в большинстве своем видели чистую колоду. И только иногда в ней при съеме блеснет один-другой самородочек граммов в 200 или в 300.

В один из таких дней со мной произошел новый опасный случай, который чуть не стал для меня роковым.

Работали мы на промывке галечных отвалов, как всегда, в две смены. Машина наша была старая, изношенная – хорошие машины прииск старателям не давал. У нашего старенького трудяги было много больных мест, в том числе у него очень плохо заводился пускач.

С ним мы каждый раз испытывали сплошные муки, когда надо было им заводить дизель. Так как глушить и вновь заводить дизель этим пускачом нам приходилось только один раз в сутки, при пересмене, то мы со сменщиком договорились глушить машину не у подножья отвала, а заехав на самую его вершину, и там остановиться лицом к небу, спиной к земле.

Перед тем как заглушить дизель, на гальку опускается бульдозерный нож, ходовая часть машины зажимается

двумя ножными тормозами, которые ставятся на фиксаторы, и одновременно остается в зацеплении с шестеренкой первой передачи коробки скоростей.

Сменщик приходит, карабкается на вершину отвала, садится в машину и снимает ее с тормозов. Она тут же начинает движение вниз, но медленно, так как ее ходовая часть заблокирована шестеренкой первой скорости. Система шестереночных передач свое вращательное движение передает коленчатому валу, тот приводит в действие поршни, и дизель заводится тут же сам, без участия пускателя.

Все это происходит мгновенно, в течение 3–5 секунд после того, как будут освобождены тормоза. С работающим мотором, тихо, на первой скорости, бульдозер достигает подошвы отвала, делает разворот и занимает свое рабочее место на полигоне для последующей 12-часовой смены.

Было, правда, одно неудобство. Разворот у подошвы нужно было производить аккуратно, так как рядом с отвалом, всего в 10 метрах, начинался обрыв в глубокий, метров десять, ров, по дну которого протекал быстрый ручей.

В тот вечер я пришел к началу ночной смены в отличном, приподнятом настроении, думая о чем-то приятном и даже напевая себе под нос одну из своих любимых мелодий.

Поднялся на вершину отвала, залез в кабину и, не осмотревшись вокруг себя, не проверив рычаг скоростей, спустил машину с тормозов.

Ну, что тут будешь делать?

Я не мог знать, что сменщик в этот единственный раз за был подстраховать тормоза включенной скоростью, а я за был это проверить и послал машину в свободное падение.

Ничем теперь не сдерживаемая, двенадцатитонная машина ринулась по крутому склону вниз на своих катках по гладкому полотну гусениц, вздымая вверх веером мелкие камни, которые дробно застучали по капоту и крыше бульдозера.

Я ничего не успел. Ни сообразить, ни понять, что произошло.

Как потом выяснилось, бульдозер должен был в считанные секунды скатиться вниз с отвала прямо к тому глубокому обрыву, что был в 10 метрах от его подножья, совершить свой первый и последний прыжок над пропастью, упасть на его дно, перевернуться несколько раз и превратиться в металлолом.

Меня, однако, спас профессиональный инстинкт машиниста бульдозера.

Машина имеет два вида тормозных устройств: фрикционный (легкий тип, используется для поворота машины в разные стороны) и педальный (жесткий тип, удерживает машину на любом откосе).

Когда машина ухнула вниз, я машинально и мгновенно, повинуясь инстинкту, обхватил двумя руками оба фрикциона и прижал их к груди, а двумя ногами с силой уперся в тормозные педали, превратившись в загипнотизированный столб.

Тряска, грохот, стук камней по крыше и капоту прекратились так же внезапно, как и начались. Машина встала как вкопанная, и пошла минута полной тишины.

Разжать руки и отпустить оба фрикциона в этот момент я не мог: они не разгибались. Снять ноги с тормозных педалей я тоже не мог: они одеревенели.

Когда шоковое состояние прошло и к моим рукам и ногам вернулась подвижность, я осторожно выбрался из кабины на гусеницу и увидел, что мое торможение остановило бульдозер на самом краю пропасти, немного развернув его, так что одна гусеница на целый метр уже повисла над обрывом.

Еще бы малость, еще бы чуть – и конец жизни!

Но эта «чуть» и в этот раз не произошла. Эта «чуть» спала и меня и машину от неминуемой гибели.

Потом были расспросы, удивление, шуточки, благодарность судьбе и долгая память об этом случае.

После окончания нашего первого промсезона, на пороге новой зимы и нового витка изнурительной работы,

все мы получили полный расчет за текущий год и 30 дней для отдыха.

А еще через месяц все пошло по уже знакомой дороге.

Все как было до этого прошлой зимой: одиночная для меня работа на отдаленном от поселка полигоне; длинная дорога при тусклом лунном свете в окружении темных теней от высоких отвалов по краям дороги; мрачные мысли о том, что все это мне не в радость, что хорошо бы все это бросить; желание чего-то совсем иного, а чего – и сам толком не могу понять.

Но все равно думаю об этом на ночной дороге, думаю, думаю и думаю.

* * *

Новый резкий поворот в моей жизни начался с раннего, тусклого зимнего рассвета, 1 января 1961 года.

К нашему бараку подъехала милицейская машина из районного центра. Вошли три человека в форме. Велели мне одеваться.

Обшарили глазами и руками комнату, вышли со мной к своему «газику» и доставили меня в контору прииска. Там мне разъяснили причину моего ареста.

В только что прошедшую новогоднюю ночь, в соседнем поселке Чай-Урья старателем-одиночкой Валентином Лобановым был совершен подрыв аммонитом жилого одноэтажного дома.

Сразу после взрыва этот человек пришел к себе в барак и повесился в дальнем, неосвещенном углу длинного коридора.

Во время осмотра той комнаты, где он проживал, нашли бикфордов шнур, вмонтированный в капсулы-детонаторы, и патронированный аммонит с моей маркировкой в виде знака «X» на каждом патроне.

Встал вопрос о том, каким образом *моя* взрывчатка попала в руки постороннего человека?

В ходе проведенного расследования стало достоверно известно о том, что Лобанов давно не ладил с горным мастером того промприбора, на котором работал еще до перехода в старатели. Со временем их отношения становились все нетерпимее.

Старатель знал о существовании у меня тайника со взрывчаткой и решил воспользоваться этим, чтобы расчитаться со своим злостным недругом.

В новогоднюю ночь, после изрядной выпивки, он сходил на нашу шахту, забрал из моего тайника столько взрывчатки, сколько мог унести, и принес все это в свой барак. Ближе к 12 часам ночи он вынес из барака на плече почти полный мешок рассыпного аммонита, перешел до рогу и подложил взрывчатку под одно из окон соседнего дома, за которым проживал его недруг.

За несколько минут до наступления Нового года он поджег бикфордов шнур и скрылся в своем бараке.

Услышав сильный взрыв, увидев, как люди из барачных отсеков бросились на улицу, он забился в дальний темный угол барака и там повесился.

Он так и не узнал о том, что горный мастер вместе с женой (минут за 15 до наступления Нового года) перешел из своей комнаты в комнату соседа, который пригласил их отметить праздник у него.

Сила наружного взрыва не бывает большой, так как значительная часть ее уходит в воздух. Но двойная рама окна была выбита, стена вокруг окна дала несколько трещин. Велик был от неожиданности испуг тех людей, которые находились в этот момент в доме.

Тот факт, что в этом уголовном деле не было жертв (даже царапины никто не получил), стало главным смягчающим обстоятельством.

Следствие длилось всего несколько дней. В судебном постановлении говорилось о том, что я на 3 года лишен права на проведение взрывных работ и в принудительном порядке направляюсь на 3 месяца на штрафные работы в качестве чернорабочего в *спецбригаду*.

Эта бригада вдалеке от людей и дорог, в безлюдной таежной глуши, нарезала новую золотую шахту и состояла из одних только заключенных. Им были обещаны после этой работы серьезные послабления в сторону уменьшения сроков и даже перевода некоторых из них на жительство за пределы зоны.

Я был заброшен туда (вместе с продуктами) на маленьком вертолете. Случилось это 10 января 1961 года.

Внезапно и сразу я был вырван из привычной уже для меня обстановки.

Спрыгнув с вертолета на снег, я увидел недалеко от себя маленькую «зону».

Колючая проволока. Над ней две будочки с вооруженной охраной. На крыше каждой из них малая прожекторная установка. У ворот – знакомый уже мне по недавнему прошлому типовой домик охраны. За оградой большой деревянный барак.

Недалеко от него уходил под землю шахтный штрек. Работала лебедка, выгребая из штрека железным ковшем породу. Елозил взад-вперед бульдозер, толкая ножом эту породу к террикону.

На нарезке новой шахты работало 18 заключенных. Я был доставлен сюда 19-м. Люди в бригаде успели уже приглядеться друг к другу. Уже сложился в их среде особый лагерный микроклимат, который определил между ними порядок соподчинения. Я для них был чужаком, тем «фрарком», который не может быть принят в их среду и которого надо просто вытерпеть три месяца.

Бригадир, мрачная личность с тяжелым, неприветливым взглядом, указал мне рукой на место возле ковша:

– Делай с ним, что хочешь, но чтобы он никогда не был полупустым. И чаще заводи его за хвост по сторонам боковины зачищать.

Эта работа была мне знакома. Я прибыл сюда прямо от такой же шахты. Только сам я ею никогда не занимался. Это была неквалифицированная работа, исполнителей которой называли в этих краях «придурками».

Бригада работала по 12 часов в сутки, все дни недели без выходных. С 8 часов утра и до 21-го часа, имея один час на обед.

Большую часть этого времени скреперная лебедка находилась в работе, выгребая из шахты отстрелянный грунт в виде тяжелой пустой породы.

Моя задача заключалась в том, чтобы во время работы ковша бегать за ним, держа его специальной толстой брезентовой рукавицей за задний толстый трос. Силой своих ног, рук и всего тела я должен был заводитьдвигающийся металлический ковш в разные стороны для скорейшего и полного набора ковша «под завязку».

При таком способе быстрее очищался штрек, увеличивался КПД лебедки и всей работы в целом.

Скорость двигающегося ковша была приличной. Двигаясь назад в пустом состоянии, ковш подпрыгивал на каждой неровности и рвался из рук. Бегать за ним в ватных и меховых одеждах, заводить его на грунт, направлять движение, держа «за хвост» многие часы подряд, было изнуряюще трудно.

Вся бригада работала под землей, и только один человек – это скреперист – видел, как я бегая и направляю движение ковша.

Скреперист сидел в меховом тулупе на деревянном ящике, вдали от входа в шахту, возле терриконика, и с помощью двух рычагов управлял лебедкой, а я бегал перед его глазами то из шахты с полным ковшом к нему, то от него с пустым ковшом в шахту, распаренный и жаркий, как из бани.

Через шесть часов непрерывной работы следовал часовой перерыв на обед. Обед проходил в бараке, куда собиралась вся бригада. Ели то, что приготовил дневальный.

Дневальный на каждый день назначался самим бригадиром. Обязанность эта была не только сменной, но и привилегированной. Я на нее рассчитывать не мог. На меня просто не обращали внимания, как на временного постороннего.

За обедом следовал массовый перекур. Барак наполнялся едким и густым махорочным дымом, слышались плевки, кашель, тихие разговоры с отборной матерщиной. Покурив, все отправлялись на свои рабочие места еще на шесть часов.

После девяти вечера все возвращались снова в барак, развешивали на проводах, вблизи раскаленной докрасна печи, свое рабочее снаряжение, укладывали вокруг печи рабочие валенки, подошвами к ее раскаленным бокам, и надевали на ноги валенки домашние.

Снова садились за длинный стол, больше похожий на столярный верстак, ели разогретую на громадном противне свиную тушенку, пили густой чай, курили с наслаждением и валялись на свои лежанки, чтобы в семь часов снова быть на ногах.

Мое место было в дальнем углу, далеко от печки. Поэтому спать мне приходилось не раздеваясь, во всей своей амуниции.

Каждое 10-е, 20-е и 30-е число все в обязательном порядке мылись по очереди в корыте у раскаленной печи. Рабочий день, несмотря на эту процедуру, не прекращался ни на минуту. К корыту подходили весь день по одному человеку, отрываясь на один час от работы, в порядке того графика, который составлял бригадир.

Это была жизнь, состоящая только из работы и сна, которая уже больше года хорошо была мне знакома. Я переносил ее спокойно еще и потому, что знал, что у нее есть свой скорый конец.

Последний месяц я прожил в постоянном ожидании, даже считал дни. Вечерами, лежа в своем замороженном и темном углу, глядя на блески кристаллического инея на грубых бревенчатых стенах, я несчетное количество раз представлял себе скорый день своей свободы. Картина почти всегда была одна и та же – радостная и солнечная.

* * *

Близился вечер 12 апреля 1961 года, когда я выбрался из кабины вездехода прямо в самом центре поселка Большевик у знакомого телеграфного столба с подвешенным на его вершине репродуктором. Он с 6 часов утра и до 12 часов ночи разносил по поселку передачи всесоюзного и магаданского радио.

Вездеход ушел. Вокруг тихо и пусто.

На улице ни одной души, на трассе ни одной машины.

В десяти шагах от меня светились большие заиндевелые окна столовой. По их белым экранам двигались тени. Никто не видел моего возвращения.

Я исчез из поселка в январе, а появился здесь снова уже в середине весны.

В январе морозы стояли жестокие, трескучие, а сейчас не больше 35 градусов – так и тянет снять с рук меховые рукавицы и расстегнуть телогрейку.

Тут из репродуктора прямо над моей головой громко зазвучали позывные Москвы и знакомый голос диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана взволнованно-торжественно произнес:

– Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС о запуске в СССР космического корабля «Восток» с человеком на борту! Им является летчик, гражданин СССР, майор Юрий Алексеевич Гагарин...

Я припустил в свой барак.

Там, по случаю мужского банного дня, шла смена постельного белья, и люди спешили в приисковую баню. Это было то самое, что необходимо мне сейчас в первую очередь.

И в предбаннике, и в моечной комнате, и в самой парилке разговоры велись только об одном – о полете Юрия Гагарина и о наших перспективах исследования космического пространства.

Люди говорили громко, горячились, спорили, сходились и расходились, размахивая руками, и по всему было видно, что все были горды и довольны.

В парной я разглядел своего товарища – музыкального работника нашего клуба. Мы обнялись и после бани, по старой привычке, зашли в магазин, а оттуда прямо к Виталию на квартиру, где его ожидала жена за накрытым столом.

Детей у них не было, жили они вдвоем, были гостеприимны и всегда радушно встречали гостей. Люди тянулись к ним, к живой музыке, к хоровому компанейскому пению.

Виталия не надо было упрашивать взять в руки аккордеон. Он и играл, и пел с большой охотой, передавая лицом внутреннее состояние своей души.

Где-то багульник на сопках цветет.

Кедры вонзаются в небо...

И нет уже у тебя в душе тусклых забот, сомнений, тяжелых мыслей и тоски.

Кажется, будто давно меня ждет

Край, где ни разу я не был...

Аккордеон с первых же аккордов становился для меня полным хозяином души. Защемило внутри, в груди родилось радостное волнение, голова опустилась на грудь.

Эх! А дальше-то что? Что дальше?

* * *

На следующий день я оформил перевод из старательской артели и вновь стал рабочим прииска «Большевик».

Оформили меня зольщиком поселковой котельной.

Уже со следующего дня я всюю орудовал кайлом и лопатой у смерзшейся угольной кучи. Загружал тачку с одним передним колесом и, напрягаясь в поисках равновесия, раз за разом отвозил ее в котельную. В конце смены выгребал из четырех котлов «Универсалов» в эту же тачку шлак и золу и отвозил ее за контур двора. Вот и вся она, работа зольщика.

Свободного времени она почти не оставляла, вся смена проходила на ногах и в постоянном движении. Приходилось выкраивать только коротенькие перерывы для перекура.

Так пролетело два месяца.

Незаметно ушли морозы. Растаял снег на дорогах и пешеходных тропинках. Сбежал журчащей талой водой с вершин сопок. Теплый воздух поднял с земли, распрямил и добавил свежей краски вечнозеленому, густому стланнику. В его дебрях засновали полосатые бурундуки.

Дрогнули душевные струны. Защемило сердце от воспоминаний. Взор все чаще устремлялся ввысь.

Туда, где еле заметно дрожит марево земных испарений. Туда, где в высокой синеве, рядом с белыми кучевыми облаками, застыла, раскинув свои большие крылья, одинокая счастливая птица.

И все это – облака ли, птица или дрожащее марево – живо напоминало и рисовало летние картинки прошлого. Или керченский буреветник над горой Митридат. Или караван кучевых облаков медленно движется от Машука в сторону Бештау в моем Пятигорске.

Или знойное марево над темной и быстрой водой реки Черемош в Прикарпатье.

Все видения! Все видения!

Солнышко пригревает. Вокруг тихо и пусто.

Хорошо несколько минуток посидеть с папиросой на ящике у дверей котельной. Ветерок приносит иногда с ближнего полигона глухое, далекое урчание дизельного мотора, скрежет скрубберной бочки, но тебя там больше нет...

Можно даже снять надоевшую за зиму шапку и подставить обнаженную голову солнечным лучам и теплomu ветру.

* * *

И вот в эти самые дни в моей жизни произошло *событие*.

Но *событие* оно стало потом, гораздо позже, когда мне пришло ясное понимание того, что *оно* есть главное, поворотное *событие* во всей моей последующей жизни.

Комсорг нашего прииска собрал в клубе человек двадцать молодых рабочих, возрастом до 30 лет и имеющих законченное среднее образование.

Среди приглашенных оказался и я.

Все собравшиеся расселись в пустом клубе в первых рядах. И только я, не знаю почему, прошел в самый конец зала и сел в последнем ряду.

Комсорг представил собравшимся незнакомую женщину.

– Эльвира Константиновна Куртаева прибыла к нам из Магада-на. Она совершает поездку по Колымской трассе. Заезжает по пути во все поселки для встречи с рабочей молодежью наших приисков. Сейчас она сама расскажет вам о существе того дела, с которым приехала к нам.

Со сцены по ступенькам сошла в зал миловидная, начинающая полнеть женщина, лет тридцати пяти, и заговорила, медленно рас-хаживая перед первым рядом:

– Я отрываю вас от вашей работы в горячее время промсезона, но разговор этот стоит того. Я приехала сообщить вам об очень важном событии в жизни нашей Магаданской области. В областном центре, в городе Магадане, открывается первое на всем громадном Северо-Востоке нашей страны высшее учебное заведение – Магаданский государственный педагогический институт. Он образуется на базе существовавшего до этого педагогического учи-лища и должен стать кузницей учительских кадров для Колымы, Чукотки и частично Якутии.

Этой весной начался период становления института: выделен учебный корпус, выделено здание под общежитие для иногородних студентов, формируются кадры преподавателей при 3-х факультетах – физико-математическом, филологическом и педагогическом. Из московских вузов, таких, например, как Московский государственный университет, приглашаются на должности преподавателей их лучшие выпускники. Формируется обширный биб-

лиотечный фонд учебно-методической и научной литературы. Наряду с этим проводится широкая разъяснительная работа среди старшеклассников средних школ и среди работающей молодежи с целью привлечения их в качестве абитуриентов.

Первый набор состоится уже в начале следующего лета.

Администрация института принимает во внимание трудности, которые возникают у тех, кто окончил школу пять, десять и более лет назад, и вводит льготы при поступлении для сегодняшних производственников. Таким абитуриентам будет достаточно сдать все вступительные экзамены не ниже удовлетворительных оценок, и при наличии положительных производственных и комсомольских характеристик они будут зачислены первыми студентами МГПИ вне конкурса.

Не пугайтесь и не раздумывайте на этот счет, молодые люди! Наши школы ждут учителя-мужчину! Особенно из рядов передовых производственников! Запасайтесь учебниками за курс средней школы, сверяйте их с нашей вузовской программой – и в добрый путь! Ведь впереди у вас целый год!

Мы ждем вас будущим летом у нас в Магадане!

А теперь я могу ответить на ваши вопросы.

В зале произошло оживление.

Посыпались вопросы, завязалась беседа, не обошлось и без шуток.

Кто-то из глубины зала стал переходить ближе к первому ряду. Я поднялся со своего места и через заднюю дверь запасного хода вышел из клуба, разминая в руке папиросу. Нельзя сказать, что меня все услышанное не задело, не встрепенуло, не заинтриговало.

Но я был твердо уверен, что все это не для меня.

В школе я, начиная с восьмого класса, пробездельничал.

Сочинение едва ли напишу. Ловчить и списывать с вырванных из учебника листиков не буду в силу своего ха-

рактера. Историю СССР не сдам – знаний кот заплакал.

Об иностранном языке не стоит даже заводить и речи – в памяти осталось несколько слов. Подготовиться за год я не смогу, так как не представляю себе, с какой стороны за это дело браться.

Все пять лет после школы я не брал в руки ни одной книги, не читал газет и журналов.

Ну, какой из меня *учитель*?

Учитель – это что-то противоположное мне. Это понятие высокое. Что тут говорить!? И о чем тут думать!?

Но *главное событие* моей жизни уже начало действовать независимо от моих мыслей и моих желаний.

Жизнь человеческая непредсказуема ни на один день, даже секунду вперед, не говоря уже о годах или целом жизненном периоде. Видимо, этим она и хороша.

Из всех молодых людей, кто был в тот день в нашем клубе, кто проявил интерес и выразил желание получить высшее образование, кто активно участвовал в разговоре и досидел эту встречу до самого конца, уйдя с нее возбужденным и решительным, ни один не стал избранником *фортуны*.

Она из всех выбрала *меня*.

Того, кто не проявил ко всему происходящему никакого видимого интереса, не участвовал в общем разговоре, не задавал вопросов. Того, кто посидел молча в самом заднем ряду и внезапно ушел «черным ходом», не дождавшись конца этой процедуры.

Но Фортуна начала свою неспешную работу.

Я взял в приисковой библиотеке школьные учебники и принялся за подготовку к вузовским экзаменам.

Через год я в первый раз увижу Магадан.

Это произойдет в начале июня 1962 года.

Поселюсь в общежитии на улице Коммуны.

Здание это стоит на том же месте и сейчас.

Сдам вступительные экзамены и буду зачислен студентом филологического факультета.

Все это случится со мной только спустя 12 месяцев – летом 1962 года.

Так закончился первый краткий период моего почти сорокалетнего пребывания на колымской земле.

* * *

Евгений Евгеньевич Крашенинников
МОЯ КОЛЫМА

Из воспоминаний

Ответственный за выпуск: П. Жданов

Корректор: Т. Фокас

Оригинал-макет, верстка: А. Осипов

Фото: личный архив автора, Государственный архив Магаданской области

Подписано к печати 10.06.2013 г.

Формат 60х84/32. Усл. печ. листов 2,09.

Гарнитуры Orbi Sans, Story

Тираж: 1000 экз. Заказ № 36.

Отпечатано в типографии «Тетра»,
198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 29

Издательство «Охотник» © 2013
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, д. 11, офис 401, 403
Электронная почта: oxotnik@online.magadan.su
hunterpress.ru

Магадан
2013

Евгений Евгеньевич Крашенинников родился в 1938 году в Керчи. В 1958 году оказался на Колыме. Работал горнорабочим, затем бульдозеристом на прииске «Большевик» в Сусуманском районе. Окончил Магаданский государственный педагогический институт. Долгие годы работал учителем истории в магаданских школах № 1 и 13. Отличник народного образования. С 1997 года живет в Рязани. Евгений Евгеньевич автор прекрасных эссе и воспоминаний. Несколько глав его мемуаров о Колыме были опубликованы в магаданском журнале «Спутник авиапассажира» в 2008 году.

Издательство «Охотник» планирует выпустить воспоминания Е. Е. Крашенинникова о годах преподавания в магаданских школах, о людях, с которыми свела его судьба на Севере

ISBN 978-5-9904382-5-5

9 785990 438255

Магадан
Издательство «Охотник»
2013

www.hunterpress.ru